
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА
№ 23 ИЮНЬ 1985
1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ
ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ИВАНА СТАДНЮКА «МОСКВА — 41-й»
ЭВМ ЗА ПАРТОЙ
ГИГАНТ РЯДОМ С КамАЗом
ПРИРОДА — НАШ ДОМ

Во время подписания.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

22 мая в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Премьер-Министром Республики Индии Радживом Ганди.

В ходе беседы, проходившей в духе взаимного доверия и взаимопонимания, был продолжен обмен мнениями по некоторым вопросам советско-индийских отношений и международного положения.

* * *

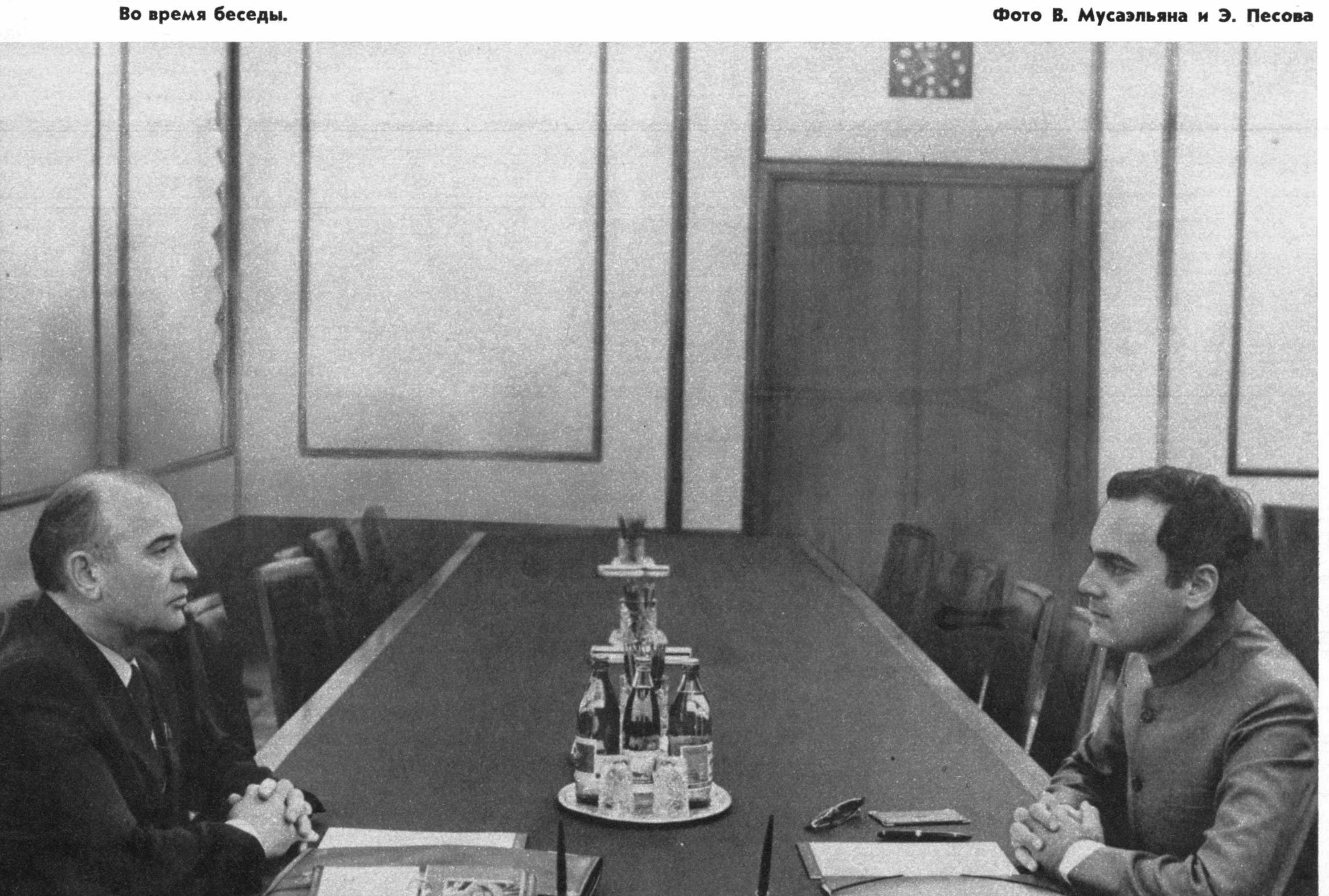
22 мая в Кремле состоялось подписание советско-индийских документов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Премьер-Министр Республики Индии Р. Ганди подписали:

Соглашение об основных направлениях экономического, торгового и научно-технического сотрудничества между Союзом Советских Со-

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова

Во время проводов в Кремле.

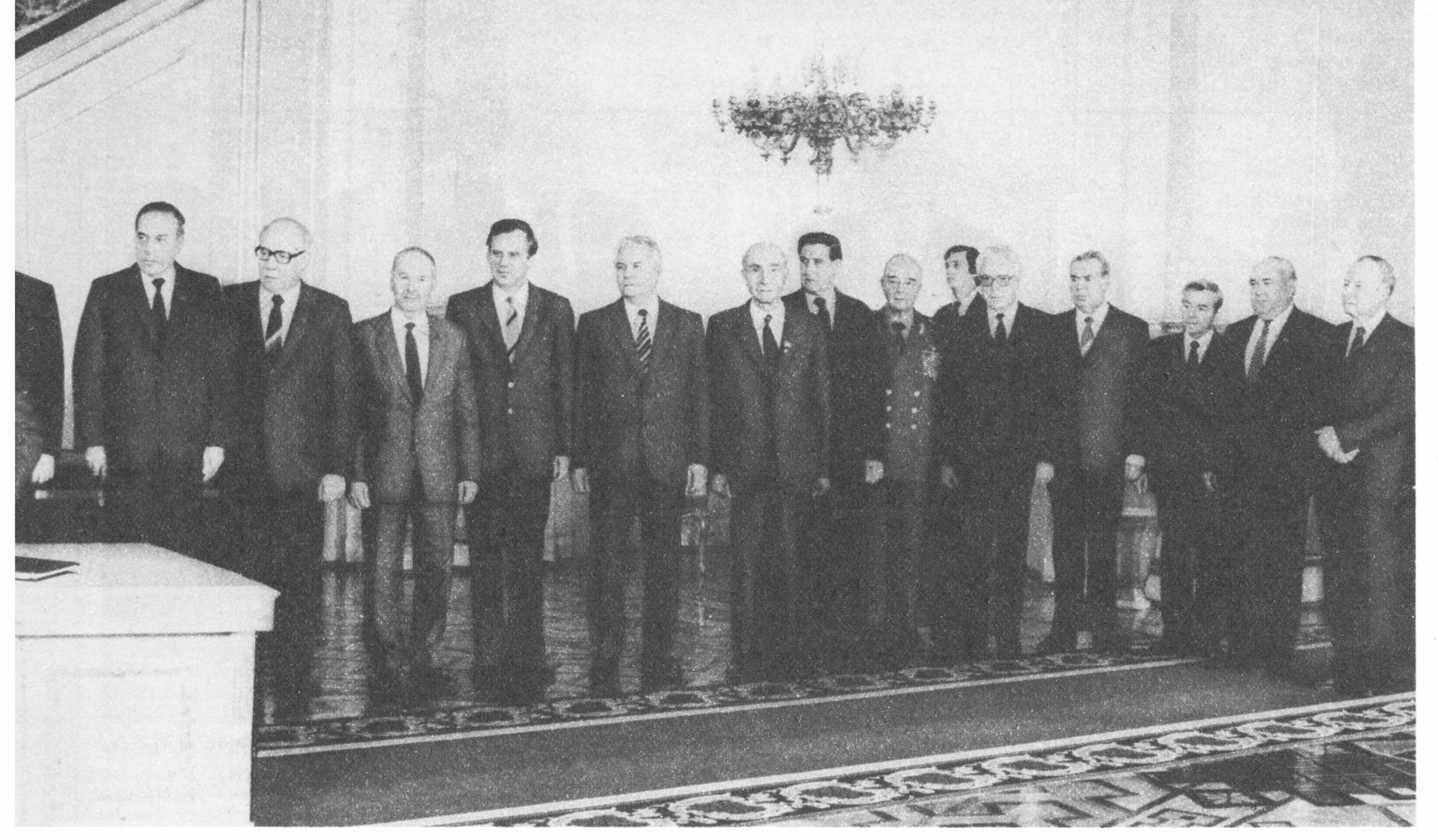

Фото А. Гостева

циалистических Республик и Республикой Индией на период до 2000 года;

Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией.

При подписании документов присутствовали: с советской стороны — Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, В. М. Чебриков, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, К. В. Русаков, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. И. Марчук, руководители ряда министерств и ведомств, другие официальные лица;

с индийской стороны — министр финансов В. П. Сингх, председатель Комитета по политическому планированию МИД Индии Г. Партхасаратхи, государственный министр энергетики А. Неру, секретари Премьер-Министра по парламентским делам А. Сингх, О. Фернандес, другие индийские государственные деятели.

* * *

23 мая из Москвы в Минск в поездку по стране отбыл Премьер-Министр Республики Индии Раджив Ганди.

Перед отъездом в Кремле, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца состоялась церемония проводов Премьер-Министра Республики Индии.

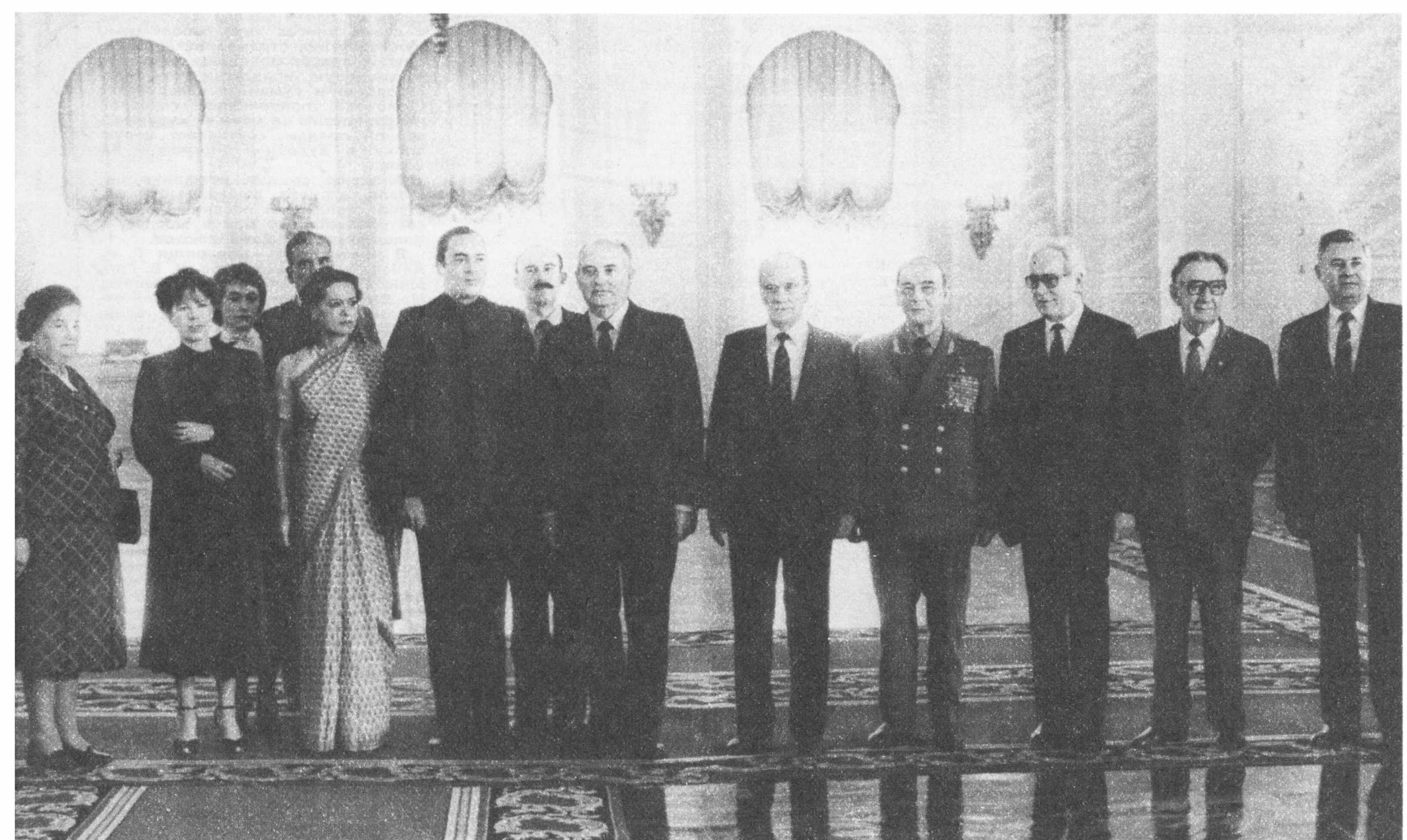
С Р. Ганди попрощался Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В церемонии приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР С. Л. Соколов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица.

На аэродроме у трапа самолета Р. Ганди провожали Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, П. Н. Демичев, другие официальные лица.

26 мая, завершив поездку по Советскому Союзу, Премьер-Министр Республики Индии Раджив Ганди отбыл из Фрунзе в Дели.

Фото А. Гостева

Во время встречи. Фото А. Гостева

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С ВИЛЛИ БРАНДТОМ

27 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле Председателя Социал-демократической партии Германии, Председателя Социалистического интернационала В. Брандта.

Был обстоятельно обсужден широкий круг вопросов, касающихся современной обстановки в мире и на Европейском континенте. Было отмечено, что в результате больших усилий, честной воли к взаимопониманию в 70-е годы удалось добиться существенного прогресса в налаживании и оздоровлении отношений между различными государствами, в целом между Западом и Востоком. Разрядка, добрососедство и сотрудничество стали символами этого десятилетия.

Сложившуюся ныне международную обстановку, отношения между Востоком и Западом М. С. Горбачев и В. Брандт считают ненормальными, неестественными и опасными. Генеральный секретарь ЦК КПСС отметил, что многочисленные предложения СССР по сдерживанию и прекращению гонки вооружений не находят должного отклика прежде всего у нынешней администрации США.

В. Брандт подтвердил принципиальное отрицательное отношение своей партии к милитаризации космоса в любой форме.

Обе партии подчеркнули роль Европы, которая на основе своего исторического опыта могла бы внести собственный вклад в дело стабилизации мира во всем мире. При этом должны быть сохранены и умножены позитивные результаты разрядки между Востоком и Западом в увязке с долгосрочными перспективами экономического сотрудничества.

В беседе приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, члены ЦК КПСС А. М. Александров и В. В. Загладин; со стороны ФРГ — члены Президиума Правления СДПГ Э. Бар и Г. Кошник, член Правления СДПГ Б. Энгхольм, член фракции СДПГ в бундестаге Д. Штоббе.

КЛАССИК СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В президиуме вечера, посвященного 80-летию со дня рождения М. А. Шолохова Фото А. Гостева

Лучшие черты художника социалистической эпохи воплотились в жизни и творчестве Михаила Александровича Шолохова. Великий писатель нашего времени, плоть от плоти народа, он отразил в своих книгах его революционную энергию, стремление к познанию и преобразованию мира, его высочайшую нравственность, благородство и гуманизм. Творчество Шолохова, покоряющее глубокой искренностью и мощью художественной правды, составляет целую эпоху в духовной биографии XX века.

80-летию со дня рождения писателя-патриота, выдающегося мастера слова, был посвящен вечер, состоявшийся 24 мая в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

В президиуме — товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, Е. К. Лигачев, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, заведующие отделами ЦК КПСС Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, видные деятели литературы и искусства, представители общественности.

Вечер открыл председатель Всесоюзной юбилейной комиссии, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков.

О Михаиле Шолохове — великом гражданине нашей эпохи, писателе, коммунисте, патриоте, сполна отдавшем свой могучий талант служению социалистической Родине, говорили на вечере представители многонациональной советской культуры, земляки писателя.

Вечер завершился большим концертом мастеров искусств. В их исполнении прозвучали фрагменты из драматических и музыкальных спектаклей, созданных по мотивам произведений Шолохова, песни тихого Дона, которые он так любил.

нужен порядок

Не уговаривать, а требовать!

Не хочется повторять известные истины, но понимаю, что без этого не обойтись. Мы без конца — на собраниях, на митингах, в печати — говорим, что успех в любом деле приходит только тогда, когда есть порядок, когда все разумно и четко организовано, когда для всех существует одна дисциплина — строгая, подчиненная государственным и никаким другим интересам. Говорим — и тут же нередко отступаем от единственно верного принципа, и находим оправдание отступлению.

Почему так происходит? Думаю, потому, что в понятие воспитания мы стали вкладывать слишком много казенного и слишком охотно стали уверять себя в том, что всякого рода мероприятия, удобные для отчетов, а не для результатов, обеспечат успех.

Я ни в коем случае не против вечеров посвящения в рабочие, музеев трудовой славы, чествований передовиков, досок почета!.. Но все это хорошо тогда, когда в коллективе существует обстановка строжайшей требовательности, непримиримости к разгильдяйству, безответственности, вседозволенности; когда каждый знает, что он приходит в коллектив работать, и, если он не отдает работе все, что способен и должен отдать, коллектив отвергнет его. И это должно стать самой большой, самой суровой карой для каждого.

У нас на станции Минск-Товарный найдено немало действенных средств воспитания, и положение с дисциплиной, я бы сказал, благополучное. Однако думать есть над чем.

Почти за тридцать лет работы на железной дороге я убедился: чаще всего «пробуксовка» в воспитании начинается тогда, когда и тот, кто воспитывает, и тот, кого воспитывают, видят, что все делается ради формального результата. Тогда и к порядку, к дисциплине отношение формальное — люди больше делают вид, что живут по нормам, принятым обществом. А дисциплина, порядок без сознательности — все равно что поезд без локомотива: может стоять, может покатиться — не остановишь...

Вот, скажем, наставничество. Я ребят беру и приучаю, чтоб они схватывали не только то, как я составы формирую, а и как жизнь складываю. Тот же Володя Прудников или Коля Тормаев, сами уже крепкие рабочие, семьи завели, но ко мне по-прежнему тянутся: «Иваныч, посоветуй, как лучше премией распорядиться!», «Иваныч, у меня с диспетчером отношения не ладятся, подскажи, как себя вести...».

Тут, разумеется, от твоего поведения и отношения к делу все зависит. У плохого учителя никогда хорошие ученики не вырастут. Я (не ради хвастовства скажу) сколько работаю, столько учусь никаких поблажек себе не давать.

Вернусь к мысли об общественном климате. У меня часто создается впечатление, что мы постепенно забываем понятие **«требовать»**. Без конца твердим: надо разъяснять, убеждать, воспитывать личным примером... Все верно. Однако атмосфера нетребовательности портит даже безоговорочно положительного человека. Помню, был у нас регулировщик, не очень старательный работник, не очень добросовестный. И вот удивительно: чем больше его уговаривали отказаться от скверных своих привычек, тем хуже он становился. Есть такое выражение: как от стенки горох. Именно так отскакивали от него увещевания, он понял, что, кроме «словесного нажима», ему ничего не грозит, и перестал обращать внимание на тех, кто вел с ним душеспасительные беседы. Превратился в лодыря, в болтуна. В конце концов его уволили. Процесс воспитания уговариванием не дал ничего ни ему, ни коллективу.

Меня перебьют, спросят: а кто вам мешает, спросят, не ограничиваться разговорами о том, что лучше быть хорошим, чем плохим. Назову две помехи: прижившийся (я имею в виду не только станцию Минск-Товарный) стиль требовать, избегая строгости, и явно урезанные права коллектива спрашивать жестко, непримиримо. У нас любят повторять фразу: «Нельзя унижать достоинство человека». В принципе да, ни в коем случае! Однако, если человек сам прогуливает, разворовывает свое достоинство, о каком уважении к нему может идти речь?! А мы все равно твердим: нельзя!

Теперь о правах. Сейчас кругом внедряется бригадная форма организации труда. У нее масса преимуществ. А права решить судьбу (не боюсь сказать именно так!) члена бригады не дано. Я не за то, чтобы одним махом отделаться от человека с изъяном. Конечно, надо попытаться помочь от изъяна избавиться, попытаться воздействовать, повлиять, убедить. Но если не действует, требуется право сказать: уходи!..

Ан нет... Дело иной раз доходит до суда, и суд, опираясь на чисто формальные, абстрактные умозаключения и положения, все подводит к тому, чтобы «поправить» коллектив и заставить его заниматься бесполезным делом. Я уж не говорю, что неуважение к коллективу пора считать нарушением социалистической этики более серьезным, чем неуважение коллектива к разгильдяю, хапуге, забулдыге!

Говорю о дисциплине в коллективе и думаю о том, насколько легче всем нам работалось бы, если бы удалось избавиться от пьяниц. Железнодорожники, правда, стараются не держать их в своей среде: транспорту слишком дорого обходится это зло. И все же, стыдно признаться, есть алкоголики и в железнодорожной системе. А сколько всяких бед приносят пьяные, шатающиеся по путям, лезущие в поезда, отравляющие жизнь на вокзалах!

Почему государство лечит за свой, а точнее, за наш, народный, счет алкоголиков? Почему трудовой коллектив не может продиктовать решение закрыть так называемую торговую точку, где создали рай для пропойц и паразитов? Почему (беру на себя смелость сделать такое обобщение) наша пропаганда обильно и красиво рассказывает о том, сколько дает человеку Советская власть, и будто бы стесняется напомнить ленинские требования к члену социалистического общества, напомнить об ответственности за поведение, за качество труда, за отношение к принципам социалистической морали? Осуществляется реформа общеобразовательной школы. Постоянно подчеркивается ее роль в подготовке рабочего человека новой формации. А ведь ответственность гражданина школа воспитывает плохо. Смею утверждать это потому, что у нас да, знаю, и в других коллективах тоже больше всего нарушений дисциплины допускают вчерашние школьники.

Хочу коснуться еще одной проблемы, на мой взгляд, весьма важной. Мы почти перестали думать о престижности профессий, отраслей. Недавно, кажется, работать на железной дороге считалось великой честью, носить форму железнодорожника — почетным правом настоящего труженика. Недавно... Не подсчитать, сколько мы потеряем, «растворив» престиж железнодорожников, шахтеров, металлургов в массе суперсовременных профессий. Тут тоже надо думать и решать.

Кому-то наверняка мой разговор покажется слишком крутым. Я сознательно повел его так. И главное — чтобы наши слова не расходились с делом. К этому обязывает нас сейчас партия.

Ф. СОБОЛЕВСКИЙ,
составитель поездов станции Минск-Товарный, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, заслуженный работник транспорта БССР, почетный железнодорожник, лауреат Государственной премии СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (3020)

1—8 ИЮНЯ

Так начинается стройка.

Гигант рядом с КамАЗом

адреса великих свершений

**Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Объединение «Камский тракторный завод» Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР действительно будет огромным. Это мы поняли, взглянув на генплан во всю стену кабинета. Виктор Павлович Ластовка, заместитель начальника производственного объединения «Камгэсэнергострой» — генподрядчика,— рассказывал:

— КамТЗ — объединение шести предприятий: тракторного,— указкой он обвел самый длинный «кирпич»,— моторного, турбокомпрессоров, топливной аппаратуры, литейно-кузнечного и РИЗа — ремонтно-инструментального. Что для нас, строителей, непривычно? Очень компактная планировка. Это не то, что на КамАЗе — от завода не видно завода. Стали беречь, наконец, землю. Узкие проезды. Нам негде будет развернуться. Но это, как говорят, наши проблемы, и нам их решать. Проблем вообще много.

О них Ластовка уже рассказывал, пока наша машина мчалась по прекрасной дороге, что пролегла над плотиной и турбинами (а кажется, совсем еще недавно мы переправлялись на правый берег Камы паромом), потом сквозь шишкинские боры, мимо стелы на развилке: «КамАЗ есть, КамТЗ будет!»... Да, проблем много. От города Брежнева до Елабуги двадцать километров. Значит, надо на месте, в Елабуге, развернуть мощную базу строительной индустрии, построить ТЭЦ на миллион киловатт. Предстоит создать специальную зону с молоко- и хлебозаводом, хранилищами для овощей и холодильниками для продуктов. Продлить железнодорожную ветку от станции Полянка к заводу, построить новую станцию — Заводская. В общем, тракторозаводский промышленный узел, это видно даже при первом знакомстве, превзойдет по своим масштабам камазовский.

...Плавный поворот направо, на новенькую, только что сданную в эксплуатацию дорогу. «Бригада Наливайко построила эту дорогу,— поясняет наш собеседник,— за очень короткий срок, в эту зверски суровую зиму. Пришлось применять электрообогрев. Трудная была работа!»

Мы стоим на крохотном, в два автобуса, асфальтированном пятачке, который Ластовка называет смотровой площадкой. А вокруг зелено-черное, вперемежку со ржавыми лужами, пустынное пространство. Гуляет, посвистывает, рвет полы наших плащей колючий ветер. Неужели всего через несколько лет поднимутся здесь, корпуса, а тут, где мы находимся, начнется жизнь завода двигателей?

— Непременно! — твердо отвечает Виктор Павлович.

У генерального директора объединения КамТЗ Николая Ивановича Беха виды на будущее еще определеннее:

— Есть у нас одна бедовая идея: сделать каркас на ста тысячах квадратных метров площади РИЗа еще в этом году, к открытию XXVII съезда партии. Чтоб через два года РИЗ уже работал на КамТЗ. Нижний Тагил обещал выручить металлом, а Молодечно — конструкциями.

О нет, Бех не фантазер! Этот могучей стати черноволосый и черноглазый человек, несмотря на свой не очень-таки почтенный возраст — всего-то тридцать восемь,— умудрен и закален опытом. Да еще где! На ВАЗе и КамАЗе. Начинал молодой специалист инженером в Тольятти, а в городе Брежневе назначили его директором литейного завода. У Беха крепкая хватка и широкий кругозор, умение видеть перспективу и вдумчивое отношение к урокам прошлого. По его инициативе беседа пошла у нас как бы «не с того конца».

— Отведена земля для подсобного хозяйства — 2900 гектаров. Тут есть у нас один парень. Фаизов. Тимирязевку окончил. Такие проекты нам представил по животноводству, парниковому хозяйству, что мы ахнули! Дендрариям и ботаническим садам заказы послали для озеленения. Определяем места под сады и огороды, под турбазы для каждого завода. Другой неравнодушный человек, начальник Управления капитального строительства объединения М. И. Мищенко, мечтает уже о ребячьих городках и дворцах...

— Вы как генерал без войска и техники. Завода нет, людей нет, а вы о них печетесь...

— Как это нет людей?— бурно, повернувшись всем корпусом, отреагировал Бех.— Только в генеральной дирекции свыше ста инженеров и специалистов, даже в Москве открыто наше представительство для оперативного решения вопросов. Набирают людей завод двигателей и другие. Полторы тысячи будут проходить стажировку на КамАЗе и на предприятиях Липецка и Волгограда, полторы тысячи направим строителям. Учитываем положительный опыт КамАЗа, многое стараемся делать еще лучше. Не удалось камазовцам, например, избежать разнобоя при заказе оборудования. Мы же хотим, чтобы узлы некоторых схем были унифицированными и взаимозаменяемыми. Что же касается технического уровня производства, то КамТЗ должен быть насыщен роботами, обрабатывающими центрами, станками с ЧПУ, гибкими переналаживающимися системами.

Трактор МТЗ-142, разработанный в Минске, задуман как универсальный. Он должен работать с любым навесным и прицепным агрегатом и управляться одновременно с несколькими операциями.

У него мощный 150-сильный мотор, который обеспечивает высокую производительность труда и значительно снижает расход горючего. Машина легка в управлении, кабина водителя изолирована от шума, снабжена кондиционером. Поэтому трактор придется по душе и овощеводам, и рисоводам, и хлопкоробам — всем, кто занимается возделыванием культур по индустриальной технологии...

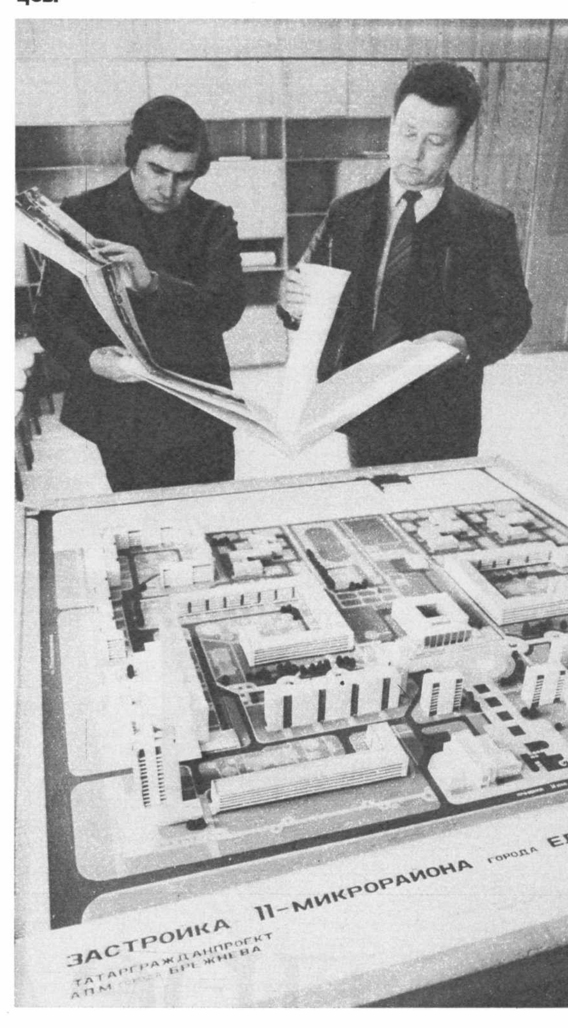
...Когда-то, приезжая в Набережные Челны, мы непременно совершали путешествие в Елабугу. Шли на тихий косогор вечного покоя, где могила Марины Цветаевой, слушали соловьев возле памятника кавалерист-девице Надежде Дуровой, разглядывали таинственную башню над Тоймой. Бродили, вдыхая терпкий настой сосновых боров, по уютным улочкам с белокаменными особнячками и соборами. Некоторые из них в реставрационных, переросших все мыслимые сроки лесах... Беспокоит: не пострадают ли эти дорогие нам, бесценные памятники духовной культуры народа под напором магистралей разного рода и зданий-башен? Этот вопрос мы задавали по очереди трем ответственным за судьбу Елабуги людям — председателю горсовета Б. Г. Мурясову, В. П. Ластовке и Н. И. Беху. Ответ был один:

— Сбережем! Сохраним! Центр города станет заповедной зоной. С улиц имени Маркса, Гоголя и Московской снимется всякий транспорт, они будут только для пешеходов. Предстоят большие реставрационные работы. Елабуга станет историко-культурным и туристическим центром всего Нижнекамского региона.

Генеральный директор объединения КамТЗ Н. И. Бех.

В. П. Ластовка (справа) и Н. И. Мищенко у макета первого микрорайона для тракторозаводцев.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я. М. СВЕРДЛОВА

Яков Михайлович Свердлов. Фото П. Оцупа

Первый председатель

Его именем названа одна из центральных площадей Москвы. Рядом со станцией Московского метрополитена «Площадь Революции» стоит он сам — отлитый в бронзе. Молодой навсегда, сосредоточенный. Первый Председатель ВЦИК, председатель комиссии по выработке первой Конституции Страны Советов — Яков Михайлович Свердлов. Он родился в июне 1885 года в Нижнем Новгороде в семье гравера. После смерти матери пятнадцатилетним юношей начал работать учеником аптекаря и вскоре занялся пропагандой среди рабочих Канавина и Сормова. Яков Михайлович из когорты профессиональных революционеров. Неполных семнадцати лет был арестован впервые, потом пошли чередой другие аресты, тюрьмы, подполье и снова допросы, ссылки, побег... Работал всегда и везде на революцию, даже будучи сосланным в Туруханский край. Освободила Февральская революция. Примечательно, что до Великого Октября пламенный революционер, организатор подполья и руководитель организации РСДРП на Урале Яков Свердлов принимал участие только в одном партийном съезде — VI. Он был из тех, кто повседневно, исподволь и героически готовил революцию в России на практике. Ковал характеры ее рядовых. В центре и на местах, как говорили в его эпоху.

В. И. Ленин в речи памяти Я. М. Свердлова сказал: «История давно уже показывала, что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными». Непререкаемый авторитет, единственный по своим знаниям организатор работы партии, инициатор создания идеологической кузницы — Коммунистического университета (еще в 1918 году), участник подготовки I конгресса Коминтерна — таков диапазон Якова Михайловича Свердлова, верного ленинца, одного из вождей нашей революции. Память о нем, по словам Ленина, будет служить не только образцом сочетания практической трезвости и практической умелости, полной связи с массами, с умением их направлять, но и залогом того, что все более широкие массы пойдут вперед и вперед к полной победе революции. Длились его жизнь, его яростное горение менее тридцати четырех лет. А память нетленна.

Н. БЫКОВ

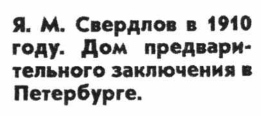

7 ноября 1918 года. Москва. В. И. Ленин и Я. М. Свердлов осматривают временный памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу.

Памятник Я. М. Свердлову в Москве.

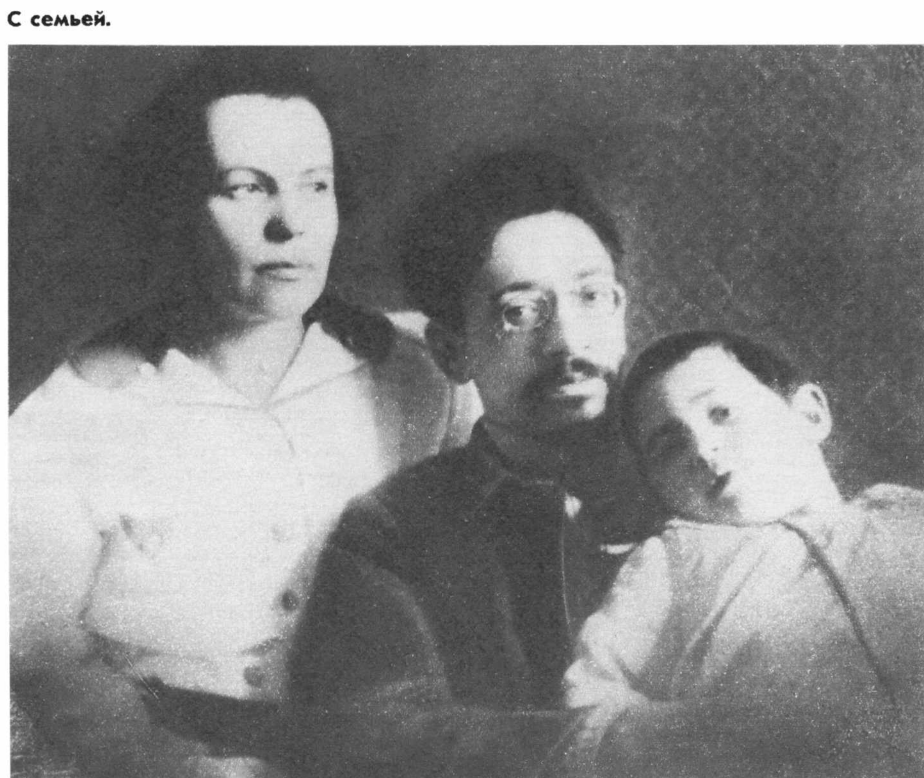
Фото Д. Дебабова

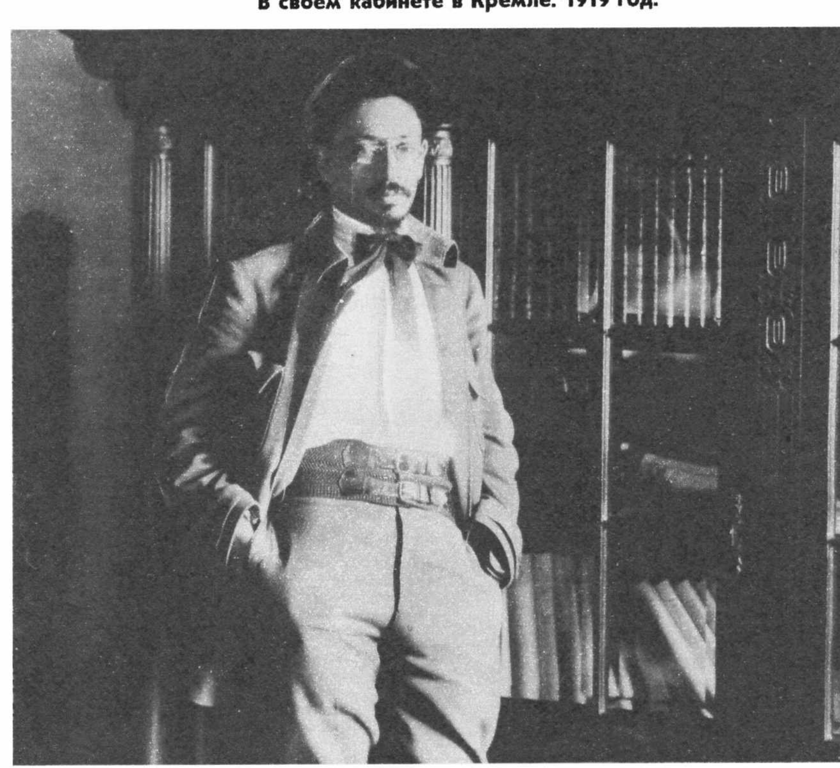

Я. М. Свердлов в 1910 году. Дом предварительного заключения в Петербурге.

С семьей.

В своем кабинете в Кремле. 1919 год.

С КОМПЬЮТЕРОМ НА «ТЫ»

Смена игр.
Первоклассники Марина Иванова
и Дима Мещеряков.

В Вычислительный центр учащиеся 444-й школы приходят как полноправные сотрудники.

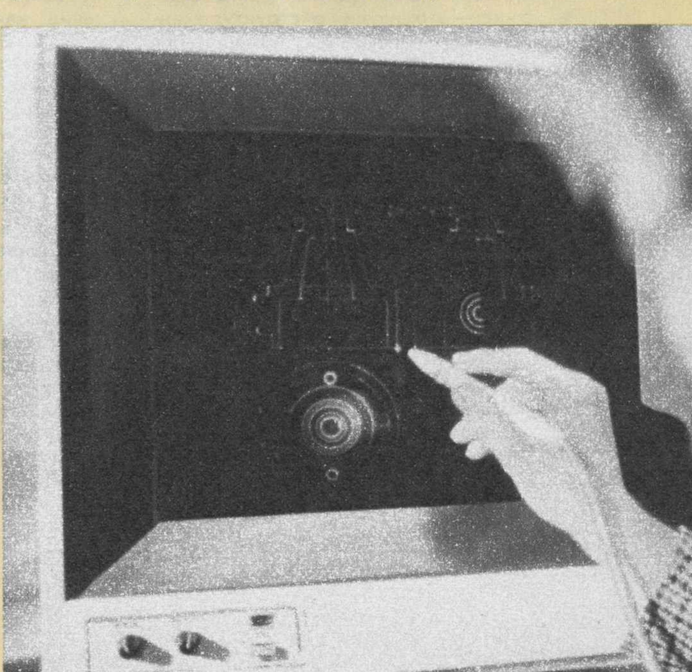
● С 1 СЕНТЯБРЯ НЫНЕШНЕГО ГОДА ПРОГРАММА СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОПОЛНЯЕТСЯ ЕЩЕ ОДНИМ ПРЕДМЕТОМ. ОН НАЗЫВАЕТСЯ «ОСНОВЫ ИНФОРМАТИКИ И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ». ● НАЧАТА ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ НОВОГО ШКОЛЬНОГО КУРСА ● СОЗДАНО НЕСКОЛЬКО МОДЕЛЕЙ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ШКОЛЬНЫХ КОМПЬЮТЕРОВ.

Ю. СУРХАЙХАНОВ,
фото
С. ПЕТРУХИНА

Представьте себе: придя домой с работы, вы узнаете, что через два часа к вам нагрянут гости. Никакой паники! Позаботиться о том, как лучше их принять и что приготовить из имеющихся в доме продуктов, поможет персональный компьютер, а вам останется лишь ввести в него конвертик с магнитным диском, где закодирована вся информация, содержащаяся в толстой «поваренной книге». На клавиатуре, словно у пишущей машинки, набирается перечень продуктов, имеющихся в холодильнике. Пока хозяйка готовит ножи, доски, сковороды, в машине идет перебор вариантов. И вот на экране вашего телевизора уже высвечиваются рецепты и последовательность приготовления блюд. Учтено все: и количество гостей, и лимит времени до их прихода, и даже то, что среди них двое детей, а свекровь вегетарианка... Остальное уже зависит от кулинарного мастерства. Впрочем, если у вас появится кухонный комбайн с встроенным микропроцессором, компьютер передаст задание прямо ему. Но учтите, комплименты по поводу отлично удавшегося ужина достанутся тоже машине, зато у хозяйки прибавится времени, чтобы уделить внимание своей внешности.

Что и говорить, перспектива заманчивая и не так уж отдаленная. Хватало бы программистов, а ина-

Работа выполнена — проверим конечный результат...

Изменения в чертеж детали можно вносить прямо на дисплее «световым карандашом».

Диалог с компьютером наладился.

Урок прикладной математики у девятиклассников ведет сотрудник Вычислительного центра Николай Львович Крамаров, он выпускник 444-й школы.

че кто же составит программу на том самом диске, что вы вложили в машину?..

Но, конечно, придуман компьютер для более серьезных дел. Он не белоручка: встроенный в станок с ЧПУ, может точить, сверлить, фрезеровать самые сложные детали станков и машин без прямого участия своего хозяина — человека, при этом работать с микронной точностью и строго контролировать собственную продукцию. А если, скажем, сверло затупилось, остановит станок и заменит инструмент. Он поможет и инженеру, и врачу, и животноводу. Специалисту сельского хозяйства, исходя из анализов состава почв, подскажет, когда необходимо напоить и подкормить поле, какие внести удобрения и сколько; конструктор поручит ему расчет узлов деталей и мгновенно нажатием клавиши вызовет чертеж на экран дисплея, внесет необходимые изменения. Компьютер сократит время, средства и, главное, повысит качество любой продукции.

В науке, промышленности, сельском хозяйстве революционный скачок возможен только на базе всеобщей компьютерной грамотности. Главный шаг на этом пути — введение в школах курса «Основы информатики и вычислительной техники».

Что же такое информатика? Все, что мы узнаем об окружающем нас мире, на языке ученых называется информацией. А информатика — это наука о структуре информации и методах обращения с ней. От количества учитываемой информации и быстроты ее обработки зависит правильность любых решений. Главный инструмент новой науки — электронно-вычислительная техника,— пожалуй, самое умное детище человеческого разума, способное, подобно турбине, перерабатывать всевозрастающий поток научной информации в движущую энергию научно-технического прогресса.

Никогда еще так остро не стоял вопрос о необходимости скорейшего введения в школьную программу новой дисциплины, и силы на осуществление ее брошены немалые: Академия наук, Академия педагогических наук, министерства, ведомства, высшая школа. Размах, прямо скажем, небывалый. И дело не только в том, что мы где-то отстали, пока это отставание скорее количественное, чем качественное. (Имеется в виду освоение компьютерной грамотности на уровне средней школы, а не степень развития самой техники.) Такое повышенное внимание объясняется тем, что дальнейший экономический, научно-технический и социальный прогресс во многом зависит от всеобщей компьютеризации.

Как выглядит персональный компьютер? Это небольшой ящичек весом в несколько килограммов, который свободно можно нести в руках. К нему подключен телевизионный экран с клавиатурой — дисплей, на котором высвечиваются готовые решения. Человек как бы ведет диалог с машиной. По своей вычислительной мощности компьютер почти не уступает большим ЭВМ первых поколений. А в чем-то даже превосходит: громадине «Минск-15» для того, чтобы сделать один ход при игре в шахматы, требовалось часа два, а школьной машине «Агат» на перебор вариантов хода достаточно десяти — пятнадцати минут. И к тому же он в тысячу раз дешевле больших ЭВМ.

Московская школа № 444. Ежегодно ее оканчивают приблизительно 105 человек, 100 из них в первый же год поступают в вузы, такие, как МИФИ, МФТИ, МИЭМ, МВТУ имени Н. Э. Баумана, на факультеты механико-математический, вычислительной математики и кибернетики МГУ. Но не в этом главное — здесь уже давно готовят кадры профессионалов-программистов.

— Такой высокий процент поступающих в вузы — это лишь побочный эффект,— говорит основатель школы член-корреспондент Академии педагогических наук СССР С. И. Шварцбурд,— он нас, конечно, радует, но никогда мы не ставили своей целью воспитывать будущих профессионалов-математиков. Чтобы учиться в нашей школе, совсем не надо обладать какими-то выдающимися способностями к математике, хотя никто не будет возражать, если они есть,— пошутил ученый.— Углубленное изучение математики означает лишь один факультативный урок в неделю, начиная с девятого класса. Называется он: «Вычислительная математика, программирование и электронная вычислительная техника».

Не случайно школа построена рядом с филиалом Вычислительного центра. Здесь ребята проходят обучение программированию и опытные специалисты передают им свои знания.

— Основная цель курса,— говорит Валентин Николаевич Романов, читающий в школе экспериментальный курс «Программирование»,— практически связать изучение математики с реальной действительностью, научить школьников применять математические методы при изучении законов окружающего мира и для решения задач производственных, народнохозяйственных... Ведь большинство из таких проблем могут быть рассмотрены только с помощью ЭВМ. Поэтому мы стремимся обучать программированию на достаточно высоком уровне.

В начале десятого класса ребята получают прикладную задачу: например, как организовать автоматическую продажу авиабилетов? В течение учебного года они работают над созданием алгоритма ее решения. Для этого нужно изучить такие вещи, как тариф, расписание, маршруты следования самолетов, и многое другое. Наконец, составляют машинную программу, отлаживают ее и проводят счет. У каждого учащегося задача индивидуальная. Завершив работу, десятиклассники в конце года защищают ее как диплом перед квалификационной комиссией.

— Выходит, ребята получают квалификацию программистов, но идут не на производство, где в них испытывают повышенную потребность, а в высшие учебные заведения?

Этот вопрос я задаю директору школы Инне Ивановне Крючковой. Она сама математик, работает здесь с 1963 года.

— Я не думаю, что наша школа останется в долгу перед нашими шефами, перед производством, да и сами шефы так не считают. Мы выполняем работы в Вычислительном центре по заказу предприятий в рамках производственной практики. Наши девятиклассники летом трудятся на станках с числовым программным управлением, замещая опытных операторов, ушедших в отпуск, а это немалое подспорье. А главное — то, что, окончив институты и став специалистами, многие из них приходят работать на базовые предприятия, с которыми у них сложились самые добрые отношения еще в период учебы в школе.

— Инна Ивановна, ваша школа обучила программированию больше двух тысяч школьников. Что вы хотите пожелать преподавателям, которым предстоит теперь разделить ваш труд?

— Эксперименту в нашей школе уже четверть века, и он показал, что, во-первых, ребят, абсолютно неспособных к математике, нет. Второе: обучить программированию можно каждого, любого школьника. И третье — выяснилась любопытная вещь: периодически встречаются ребята, которые, хотя не блещут успехами в математике, добиваются колоссального успеха в программировании—надо уметь их не проглядеть...

Побывал я еще в одной московской школе, № 1140, где готовятся программисты и операторы ЭВМ. Школа работает в содружестве с Московским институтом электронного машиностроения, а базовым предприятием является Главный информационно-вычислительный центр Миннефтехимпрома, куда после окончания школы ребята приходят на работу.

В класс вошел на переменке и увидел приблизительно двадцать школьников, группирующихся у четырех включенных машин.

Персональный компьютер потому так и называется, что за клавиатурой в каждый данный момент может сидеть только один пользователь. Ситуация, как в московском скверике: двое за шахматной доской, а обступившие их болельщики мимикой и жестами выражают чувства. Разница лишь в том, что нет конфронтации — идет диалог. Даже если компьютер на-

строен на игры, все равно нет противоборства, программа составлена так, что компьютер выступает как партнер-наставник, а не противник.

Ребята здесь не пассивные участники зрелища по телевизору, скажем, мультфильма: от их действий меняется ситуация на экране, они могут повлиять на поведение героя и провести его невредимым через все препятствия и опасности.

Допустим, игра «Лабиринт». Чтобы герой прошел по нему, школьнику-оператору нужно сформулировать грамматическое правило, выполнить математическое действие, верно ответить на вопрос, предложенный машиной, причем точно уложиться в отпущенное время. Иначе герой на экране не выйдет из лабиринта и погибнет. Игра вырабатывает быстроту реакции, сообразительность, умение логически мыслить, приучает к точности формулировок, к новой технике. Сегодня в программу компьютера вложена игра, а завтра — разработка новой технологии или машины.

В школе я встретил ученых из лаборатории вычислительной техники института содержания и методов обучения (НИИСИМО) Академии педагогических наук. Они учат ребят работать с техникой и продолжают свои научные изыскания, теперь уже по совершенствованию методики преподавания нового предмета. Ведь школа № 1140 — одна из тех, где нарабатывался и где проходил экспериментальную проверку тот опыт, что вошел сейчас составной частью в новое учебное пособие. Сотрудники НИИСИМО ведут факультативный курс со школьниками с четвертого по восьмой класс.

Видно, что посидеть за пультом компьютера хочется каждому ученику.

— Интересно, не ссорятся из-за этого ребята? — спрашиваю Ирину Александровну Штырлину, инженера-программиста, проводящую урок.

— Бывает. Но хуже всего, когда кончаются занятия в школе: оторвать от компьютера ребят просто невозможно, а класс нужно запирать, смотрю — на часах девять вечера... Приходится в конце концов выводить за ручку...

Нужно сказать, — продолжает Ирина Александровна, — что общение с компьютером высвобождает у ребят много энергии, и эмоциональной, и умственной, поэтому важно ее направить в познавательное русло, а не в чисто игровое. Ведь школьников начинаем мы знакомить с ЭВМ при помощи логических игр.

На классной стене — несколько листков бумаги с серьезными высказываниями в лукаво-шутливой форме. Они тоже выполняют свою роль в познавательном процессе. Например, такое: «Человек как система обработки информации — это звучит гордо?» Действительно, есть над чем задуматься школьнику: «Человек... и вдруг система!» Или такой девиз: «Превратим компьютер из объекта и цели познания в его средство!» — здесь уже философия нового школьного предмета — «Основы информатики и вычислительной техники».

Уже идет работа по созданию пакетов прикладных программ по физике, химии, биологии, геометрии. С помощью компьютера, благодаря этим программам, можно будет моделировать многие процессы, которые нельзя воспроизвести в обычных условиях. Возьмем управляемую термоядерную реакцию. Школьник сможет не просто наблюдать, как она происходит, а нажатием клавиши изменять температуру, давление и следить за ходом реакции. Таким образом, он из ученика превращается в исследователя.

Для того, чтобы ввести с 1 сентября новый предмет, разработана программа, создано методическое пособие для учителей и пробное учебное пособие для школьников. Эта большая работа была проведена НИИСИМО совместно с Вычислительным центром Сибирского отделения АН СССР. Руководили работой академик Андрей Петрович Ершов и член-корреспондент АПН СССР директор НИИСИМО Вадим Макариевич Монахов (он проработал много лет в 444-й школе). Под их редакцией готовился учебник.

Придя в институт к Вадиму Макариевичу, я ожидал застать его в обстановке хотя бы относительного затишья, считая, что главное для них уже позади, дальше дело за школой... Но не тут-то было. Из беседы в кабинете директора выяснилось, что работа вступила в новую, не менее важную стадию: нужно готовить преподавателей к ведению нового предмета. Существенную помощь окажет Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Заговорили, естественно, и о новом учебном пособии.

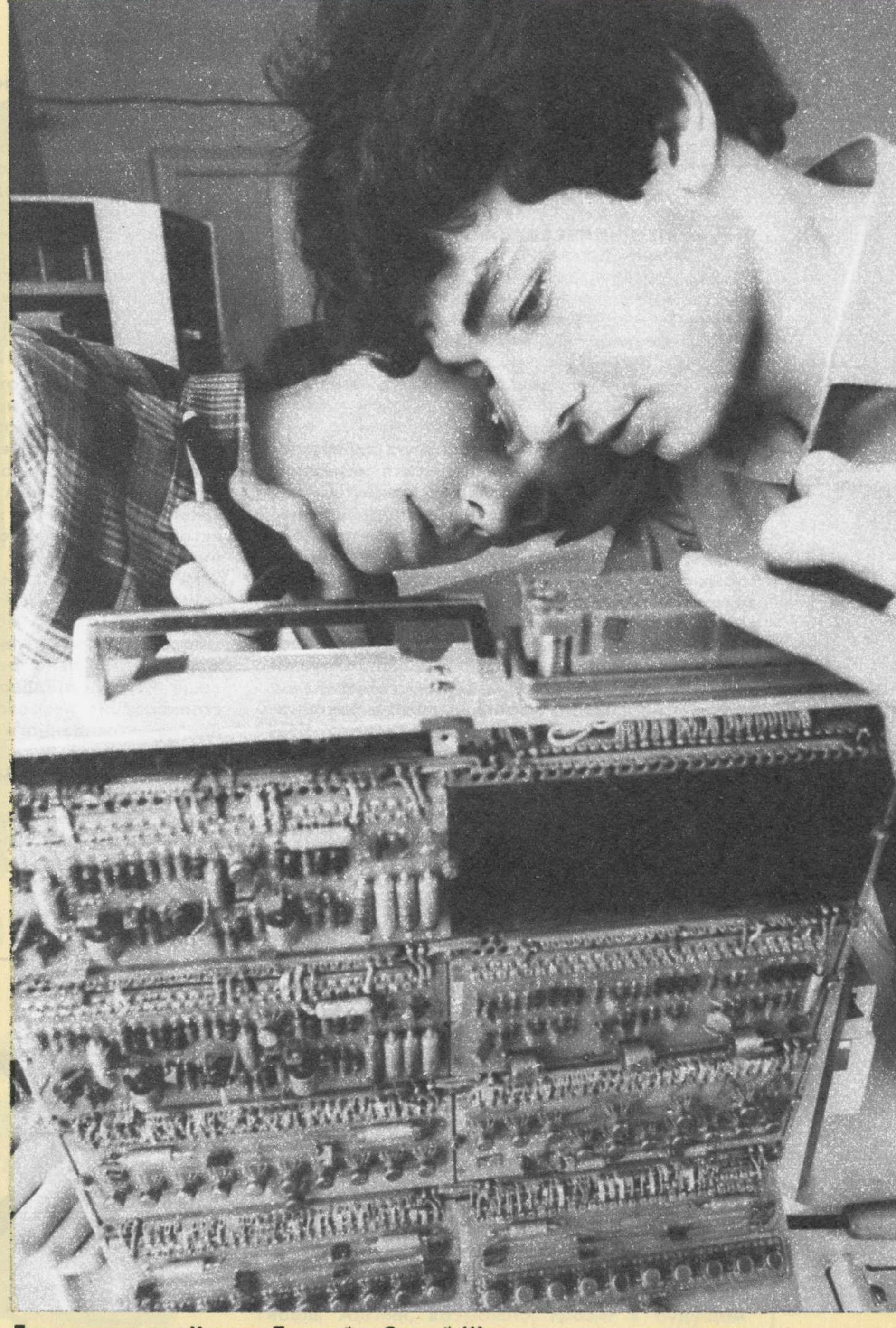
— В ходе работы над ним, — рассказывает Монахов, — сразу было предусмотрено, что с этого года далеко не все школы будут оснащены вычислительной техникой — компьютеров потребуется десятки тысяч. Налаживается выпуск настольных школьных машин, наиболее перспективными нам кажутся «Агат» и «Тимур» — здесь дело за промышленностью.

Подход к обучению информатике у нас несколько иной, — продолжает Вадим Макариевич, — чем сложился в тех школах, где вы побывали; там он кое в чем копирует вузовский курс. А задачи средней школы другие: готовить школьников — завтрашних рабочих, техников — к практическому использованию вычислительной техники в своей профессиональной деятельности. Для этого нужно не только сформировать навыки общения с машиной, умение составлять программы — все это, конечно, важно, — а прежде всего изменить характер и стиль мышления школьников, чтобы они соответствовали той специфической технике, с которой им придется столкнуться в жизни.

В разговор включается один из авторов учебника, старший научный сотрудник института, зав. лабораторией вычислительной техники Александр Андреевич Кузнецов.

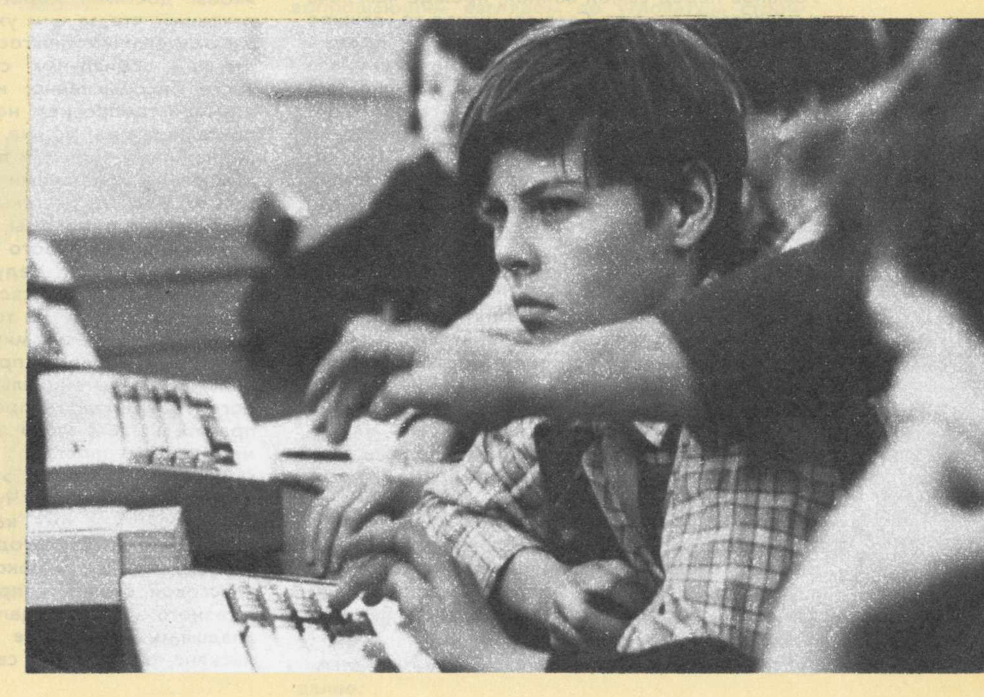
— Школьный курс — это важно понять — не сводится только к программированию. Элементарные программки после нескольких часов обучения сможет составлять каждый. Важнее дать представление учащимся о том, как решаются задачи с помощью ЭВМ. И научить пользоваться всем тем программным обеспечением, которое наработано другими. А для этого нужно развивать алгоритмический тип мышления. Он в какой-то мере формируется школьным курсом математики, но его нужно углубить. Ведь на первом этапе освоения компьютерной грамотности важнее правильно поставить задачу для ЭВМ, нежели ее решить.

Ну, а профессия программиста? Следует ожидать, что ее ряды с введением всеобщей компьютерной грамотности значительно пополнятся за счет энтузиастов, которых вырастит средняя школа. И в этой области знания нас ждет немало интересных, еще не прогнозируемых свершений, а может быть, и открытий.

Девятиклассники Кирилл Ланской и Сергей Шульман знакомятся с внутренним устройством ЭВМ.

Урок программирования в Вычислительном центре.

Иван **СТАДНЮК**

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

МОСКВА, 41-Й

20

Генерал Чумаков слышал близкую пальбу зенитных орудий, топот чьих-то ног в коридоре и на асфальтовой дорожке под открытым окном палаты. Он тоже мог бы подняться с постели и неторопливо выйти из госпитального здания, чтоб укрыться в ближайшей щели, которых было вокруг немало надолблено и закидано ветками хвои. Но не хотел даже пошевельнуться, будто находился в параличе, в летаргической отрешенности от всего окружающего. Он действительно был сейчас оглушен нахлынувшими на него мыслями, сомнениями, догадками, прочитав черновик письма покойного профессора Романова, адресованного Сталину. Черновик этот он обнаружил в бумажном кармашке, подклеенном к оборотной стороне последней обложки сафьянового переплета общей тетради, которую на днях привез ему из квартиры Романовых полковник Микофин.

Федор Ксенофонтович знал, что старик Нил Романов перед самой войной, прежде чем лечь в госпиталь, послал Сталину какое-то важное письмо и что в ответ последовал из Кремля телефонный звонок, приглашавший генерала Романова к Сталину для беседы. Однако Нил Игнатович уже не вышел из госпиталя... Чумаков полагал, что военный историк Романов в своем письме, как и в беседах с ним, Чумаковым, набрасывал свои оперативно-стратегические концепции на будущую войну, высказывал предостережения с учетом немецких военных доктрин и давал советы, как достичь стратегически выигрышного положения на случай внезапной агрессии против СССР.

Но все оказалось до невероятности сложнее и неожиданнее. Федор Ксенофонтович, вспоминая свои последние встречи и беседы с покойным Нилом Игнатовичем, испытывал неловкость и даже обиду оттого, что тот излагал перед ним лишь небольшую часть из всего видевшегося ему в той военной драме, первые акты которой уже разыгрывались на арене многих континентов.

Правда, Федор Ксенофонтович ощущал и удовлетворение, что в собственных недавних размышлениях и сам чуть-чуть приблизился к тревогам, томившим перед смертью Нила Романова. Он, генерал Чумаков, пусть без четкой ясности мысли, но тоже думал о том, как бы все сложилось потом в мире, если б Красной Армии сразу же удалось отразить нападение на нашу землю фашистских полчищ и самой вторгнуться в глубь Германии и других стран Европы, находившихся в одной с ней военной коалиции... А профессор Романов в движении своих размышлений пошел куда как дальше, переступив, казалось, философские понятия — необходимость и случайность — как формы знания, отражающие процесс объективного мира. А может, и не переступив, если Сталин, получив его письмо, пожелал встретиться с ним?.. Или, возможно, Иосифу Виссарионовичу просто хотелось посмотреть на бесстрашного старого чудака, который предлагал ему советы, не содержащие во многом здравого смысла... А может, и содержащие?.. Или опирающиеся только на случайности, порождаемые нарушением объективно действующих законов? Ведь само имя профессора, доктора исторических наук Романова уже кое-что значило.

Нил Игнатович свое письмо Сталину начинал с утверждения абсолютной очевидности: непременно грядет, мол, военное столкновение миров двух социальных систем, в котором должен окончательно решиться вопрос: «кто кого...». Старый профессор доказывал, что время столкновения назрело, исходя в своем суждении из неожиданного аргумента. Он утверждал, что если после лука и копья люди за определенный отрезок времени пришли к нарезному оружию, пороху и моторам, то по законам движения человеческой мысли и законам ускорения энергии познания развитие военной техники будет возрастать; и сейчас человечество якобы достигло порога таких военно-научных открытий, что за ним уже саму войну как форму разрешения межгосударственных конфликтов или социальных самоутверждений будет вести бессмысленно, ибо она явится полным взаимоистреблением народов всего мира и их обиталищ. Сия истина, мол, прочно уяснена виднейшими учеными всего мира, в том числе и многими советскими учеными, хотя окончательно еще не решены некоторые непростые технические проблемы, связанные с созданием и применением нового вида оружия. И дальновидные политики ведущих капиталистических государств торопят своих правителей быстрее покончить с СССР не только как с революционизирующей весь мир державой, но и как с опасным военным противником, военно-экономические потенциальные возможности которого грандиозно непредвидимы даже самим правительством этого загадочного социалистического государства.

Вникнув в смысл этих размышлений Нила Игнатовича, генерал Чумаков ухмыльнулся их некоторой, как ему казалось, скороспелости, далековатости от сегодняшнего дня, уже гремящего войной, и некоторой оторванности от классовой сущности противоречий внутри буржуазного мира. Но далее профессор стал раскладывать в письме историко-политический пасьянс, опираясь на свои знания истории войн со всеми их закономерностями, случайностями, гримасами, неожиданностями, с влиянием на ход событий тех или иных исторических или неисторических личностей. Нил Игнатович напоминал Сталину, что военный пожар полыхает, перекинувшись из центра Европы в страны Северной и Западной Европы, на Балканы, в Атлантику, Северную Африку и на Средиземное море. В Азии Япония душит Китай, стремясь утвердиться в Индокитае. В целом около тридцати государств уже втянуты в орбиту войн...

Близится, мол, черед и Советского Союза. А поскольку Советский Союз — единственное народное государство, то от него нужны, по мнению профессора Романова, и особые меры предосторожности. Старый военный историк советовал Сталину сделать все необходимое и предельно возможное в дальнейшем укреплении оборонной мощи Советского Союза, но при этом всячески демонстрировать Гитлеру наше миролюбие. Тем более что в СССР еще не было завершено перевооружение армии, не сформированы мотомеханизированные корпуса, промышленность только начала перестраиваться на военный лад, в стадии укрепления находился командный состав Красной Армии...

Несомненно, немецкая разведка обо всем этом знает, и перед Гитлером стоит дилемма: высадиться сейчас в Англии или напасть на Советский Союз. Если пойти на Англию, оставив СССР в покое, то через год-полтора Советский Союз укрепится до такой степени, что трогать его будет уже небезопасно,— Гитлер это понимал. Вторгаться же одновременно в Англию и в СССР — от этого предостерегали уроки прошлого: война на два фронта приводила Германию к катастрофам. И сейчас Гитлер вместе со своим генштабом, по мнению Нила Игнатовича, томился в нерешительности. Ведь фашистская Германия уже добилась крупных военных успехов, последовательно оккупировав девять европейских государств и установив там нацистский «новый порядок»; в итоге этого Англия осталась без своих европейских союзников и была значительно ослаблена после катастрофы под Дюнкерком. Куда направить Германии свою дальнейшую агрессивную поступь?

Далее профессор Романов писал: «Высокочтимый Иосиф Виссарионович! Вам некогда тратить свое государственное время на чтение такой мерзопакостной книги, как «Майн кампф» Гитлера. Я же по долгу своей деятельности, своего призвания в науке вынужден был просмотреть ее в оригинале. Не отвлекаясь ни на частности, ни на всеобщности, скажу главное: каннибализм — фундамент этой книги. Но сейчас о том, что касается сегодняшнего дня. Гитлер в своей книге пишет:

«Не надо допускать до того, чтобы современные политические границы затмевали нам границы вечного права и справедливости... Конечно, никто не уступит нам земель добровольно. Тогда вступает в силу право на самосохранение нашей нации со всеми вытекаю-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 22.

щими отсюда последствиями. Чего нельзя получить добром, то приходится взять силой кулака... Приняв решение раздобыть необходимые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только за счет России...»

Чумаков, перелистнув страницу, подумал о том, что вряд ли Сталин не читал эти направленные против нас писания Гитлера.

«Для такой политики,— цитировал далее профессор Романов,— мы могли найти в Европе только одного союзника — Англию. Только в союзе с Англией, прикрывающей наш тыл, мы могли бы начать новый великий германский поход... Никакие жертвы не должны были показаться нам слишком большими, чтобы добиться благосклонности Англии...»

И еще далее Гитлер писал:

«Политику завоевания новых земель в Европе Германия могла вести только в союзе с Англией против России, но и наоборот: политику завоевания колоний и усиления мировой торговли Германия могла вести только с Россией против Англии...»

«Вы не хуже меня знаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что Гитлер навязывал тов. Молотову антианглийские переговоры во время посещения нашей делегацией Берлина. Вячеслав Михайлович с мудрой решительностью отверг их... Теперь Гитлер послал в Англию Гесса с миссией, тайну которой разгадает и младенец».

И профессор Романов убеждал Сталина не верить никаким миролюбивым заверениям Гитлера и никаким «доброжелательным» предупреждениям Черчилля, если таковые последуют. Черчилль жаждет войны Германии против СССР как спасения Великобритании не только от немецких бомбардировок, но и от погибели вообще и уповает на «благоразумие» Гитлера, который после освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию и после военного столкновения Советского Союза с Финляндией получил новый «повод» охаивать внешнюю политику СССР и восстанавливать мнение народов капиталистических стран против нас, надеясь, что завоюет симпатии к своей политике со стороны буржуазного мира. Следовательно, неотвратимо грядет нападение Германии на Советский Союз. И тут Гитлер допустит роковую ошибку: войну с СССР он проиграет... Должен проиграть... А вот если немцы высадятся в Англии, потерявшей в Европе своих союзников, то скорое сокрушительное поражение последней неизбежно. Однако, по мнению профессора Романова, гибель Англии, возможно, грозит в будущем опасными последствиями и для Советского Союза...

Федор Ксенофонтович, казалось, даже задохнулся от столь неожиданного поворота мыслей профессора Романова и заторопился вопрошающим взглядом по угловатым строчкам письма, ощущая нетерпение скорее разобраться в главной его сути, убедиться, что в письме действительно не фантазии больного ученого, не абсурдные мысли его воспаленного мозга, а наличие какого-то здравого смысла, постичь который он, генерал Чумаков, пока не был в силах.

Письмо читалось с трудом, ибо было правлено-переправлено; иные зачеркнутые фразы, казалось, противоречили вновь написанным; слова, заменяющие друг друга под пером Нила Игнатовича, в конечном итоге просветлялись, усиливая мысль и придавая ей отточенную завершенность.

В голове Федора Ксенофонтовича постепенно будто рассеивался мрак, он стал четче представлять себе все те военно-политические сложности, которые виделись покойному профессору Романову во взаимоотношениях между скопищем европейских государств, оказавшихся под сапогом фашистской Германии или ощутивших жар от огня ее военных посягательств.

В итоге генерал Чумаков уже готов был согласиться со своим бывшим учителем и военно-научным наставником, видя в его суждениях, обращенных к Сталину, казалось, вполне здравый смысл.

А в письме Нила Игнатовича говорилось далее:

«...Подписав в 1939 году советско-германский договор о ненападении, Советское правительство лишило заправил империалистического Запада надежд на скорое военное столкновение СССР и Германии. Это был мудрый шаг правительства, предотвративший образование единого фронта империалистических держав против СССР. Но, согласно договору, подписавшие его не должны участвовать в группировках, направленных против одной из договаривающихся сторон, хотя всему миру известно, что так называемый «Берлинский пакт» — тройственный военно-политический союз Германии, Италии и Японии — направлен непосредственно против СССР. Чутье подсказывает мне, что нынешние заправилы Финляндии тоже не смирились с поражением своей страны в столкновении с СССР... Найдутся у Гитлера и другие союзники в Европе — по причинам своей военной слабости, угодливости их правительств и страха перед своим пролетариатом.

Из всего вышесказанного следует: СССР не должен при наличии «Берлинского пакта» во всех отношениях выполнять условия договора с Германией и, если не поздно, вновь и вновь принимать срочные и активнейшие меры для создания антигитлеровского военного блока; его основой должны явиться СССР и Англия... Если делать это уже поздно, то надо приготовиться к военному противоборству с фашистской Германией немедленно... И вести себя таким образом, чтобы фашистская Германия не решалась вторгаться на Британские острова...»

Далее профессор Романов, анализируя военно-политические и географические условия, довольно убедительно доказывал, что если в этом году Гитлер бросит на Англию свои военно-морские и военно-воздушные десантные войска, то он, несомненно, без особых жертв захватит ее. Затем последует захват Германией Ближнего Востока и выход фашистских войск к нашему Закавказью — к Баку с его нефтеносными районами. И не может быть также никаких сомнений, что реакционные правительства Турции, Ирана, Египта немедленно пойдут на сговор с Гитлером... Не замедлит выступить против СССР и Япония... Таким образом, не исключена ситуация, что уже в 1942 году Советский Союз, пусть окрепший в военном отношении, окажется в полном одиночестве против всего буржуазного мира. А он, буржуазный мир, покорно склонит голову перед военной мощью фашистской Германии и будет поступать по ее указке... Пока только трудно предугадать, как поведут себя Соединенные Штаты Америки...

И опять засомневался Федор Ксенофонтович: так ли все это?.. Да и слишком поздно послал это письмо Сталину профессор Романов — за несколько дней до начала войны. Если б даже можно было извлечь из него пользу, уже не было времени... Зато сейчас есть возможность «примерить» суждения и оценки, содержащиеся в письме, ко всему тому невероятно сложному и кроваво-трагичному, что происходило в мире, особенно на советско-германском фронте...

В дверь палаты постучали, и тотчас она открылась. В дверях встал, прищелкнув каблуками и широко улыбаясь, Семен Микофин. Федор Ксенофонтович ахнул: он сразу заметил на Микофине генеральскую форму — большие угловатые петлицы с золотыми звездами на гимнастерке и красные лампасы на синих галифе.

— Разрешите представиться по случаю присвоения генеральского звания! — Глаза у Микофина светились довольством и озорством.

— Бог ты мой! Ослепнуть можно от такого великолепия! — воскликнул генерал Чумаков.

Семен Микофин своим аккуратным и обновленным видом напоминал двухцветный неотточенный карандаш. Даже заметно облысевший, выглядел он в генеральской форме как-то по-особому стройно, ладно, солидно и представительно, хотя улыбчивое, с глубокими морщинами у рта лицо его излучало прежнюю напускную строгость, за которой сквозила доброжелательность и доброта.

— Поздравляю, Семен! — Чумаков спустил ноги с кровати, не глядя, нащупал ими тапочки и протянул Микофину руки для дружеских объятий.

— Федор, я к тебе по срочному и секретному делу,— прервал Микофин излияния радости Чумаковым.— Сейчас к тебе явится так называемый майор Птицын...

— Птицын?.. Знакомая фамилия.

— Ты передавал своей семье записку через него с фронта.

— А-а, помню! Был он у меня инструктором по подрывному делу, когда из окружения пробивались,— пояснил Федор Ксенофонтович.

— Был он у тебя немецким диверсантом! — огорошил Чумакова Микофин. Видя потрясенность Федора Ксенофонтовича, продолжил: — Шпиона ты приютил в своем штабе. Дал ему там респектабельно обжиться...— В голосе Микофина жестко просквозил упрек, а на лице со сдвинутыми бровями отразилось суровое неудовольствие.— Меня попросили предупредить тебя, прикрыть от случайности и... и вообще помочь закрепить бывшего графа на крючке наших контрразведчиков. За этим я и примчался, хотя своей работы по кадык.

— Они знают? — одеревеневшим голосом спросил генерал Чумаков, поняв, о сколь серьезном идет речь.

— Знают... Ты скажи мне: где ты выучился немецкому языку?

— В автобиографии я же писал: был в детстве батраком у немцев-колонистов на юге Запорожской области.

— Бестолково написал,— тревожно хмурился Микофин.— Все у контрразведчиков сбежалось сейчас вместе: признал тебя немецкий генерал Шернер, в твоем штабе свил гнездо абверовец, ты откуда-то знаешь немецкий...

— У тебя тоже есть сомнения? — Федор Ксенофонтович встал и одной рукой судорожно начал надевать на себя халат.— Ты в чем-то сомневаешься, Семен Филонович?..

— Я полагал, ты с Шернером в Испании познакомился...

— Да нет же! На киевских маневрах, когда он, тогда полковник чешской армии, ногу сломал. А меня временно приставили к Шернеру переводчиком.

— Вот как? — заинтересованно удивился Микофин.— Я не знал этих подробностей. И вдруг встреча с ним на фронте?

— В плен он попал к нам...

— Ладно, доскажешь потом! — Микофин призывал генерала Чумакова к спокойствию.— Не надо одеваться! — И он, взяв у Федора Ксенофонтовича халат, кинул его на спинку кресла.— Сейчас постучится этот майор... Нам следует вести какой-то нейтральный разговор... Но чтоб не напугать его.— Микофин взглянул на наручные часы.— Потом дежурный врач выдворит нас из палаты вместе с ним, а ты попроси меня, чтоб я подвез этого Птицына до Москвы... Он ведь стучится на прием к полковому комиссару Лосику... Ну, ты не знаешь... Кадровик из Главполитуправления... Дальше моя работа...

— Но как быть с подозрениями, павшими на меня? — Федор Ксенофонтович чувствовал в груди тошнотное теснение.

— С тобой в норме. Пришлось показывать особистам личное дело, рассказать все то, что я знаю о твоей милости... Но тут, понимаешь, еще всплыли доносы на тебя этого Рукатова... Тоже пришлось наждаком пройтись по ним.

— Рукатов...— Чумаков горестно вздохнул.— Я убежден, что если б подобные Рукатовы не были уверены в нашей победе над фашистской Германией, они бы немедля бросились в объятия Гитлера. Рукатовым важно хоть на ступеньку подняться выше в своем воображении, а чья эта ступенька, что она значит — им наплевать.

— Верно мыслишь, Федор,—согласился Микофин.— Поднявшись даже на ступеньку выше в должности или в звании, иные вдруг начинают воображать, что предстали перед человечеством в новом обличье. Забывают, что разум, сердце, потребности у них те же... А пыжатся. Ну, верно, расширился круг обязанностей, ну, может, еще прав... И если при этом надо усиливать напряжение вещества за лобной костью, то не тщись расширить зад до границ кресла, которое тебе еще велико!..

В коридоре послышалось шарканье ног, и Микофин вдруг заволновался:

— Давай менять тему разговора. Ничем не выдай этому Птицыну своей осведомленности.

— Будь спокоен,— шепотом сказал Чумаков.

Но шум за дверью утих, а разговор двух друзей потерял прежнюю направленность.

— Что это у тебя? — спросил Микофин, указывая на лежавший на кровати поверх одеяла черновик письма покойного профессора Романова.

— Ты не читал?! — оживился Федор Ксенофонтович.— Да тут целая гора проблем. Давай просвещу тебя!

Когда генерал Чумаков заканчивал читать письмо, дверь палаты без стука открылась, и уже по одному этому можно было догадаться, что вошел кто-то из медицинского персонала. Действительно, в проеме двери стояла в белом халате полногрудая женщина с рыжими волосами, скупо выбивавшимися из-под белой косынки.

— Товарищ генерал,— обратилась она спокойно-милым голосом к Чумакову.— К вам еще один посетитель. Но... извините, через пять-шесть минут «мертвый час», а потом процедуры. Так что на сегодня... извините.

Из-за ее спины выглядывал чуть растерянный «майор Птицын». Его взгляд как бы смотрел в пустоту, а крутой излом бровей будто выражал недоумение. Медсестра ушла, а «майор Птицын» все стоял в дверях, и Федор Ксенофонтович, заметив мешки под глазами на его продолговатом лице и подрагивание мягких ноздрей, угадал страх в сердце диверсанта, растерянность перед двумя генералами и поспешил ему на помощь:

— Майор, это вы?..

— Так точно! Майор Птицын! — Он с какой-то детской радостью вошел в палату.

— Вы тоже в этом госпитале?

— Никак нет! — И «Птицын» сжато рассказал свою одиссею, происшедшую после того, как расстались они на вокзале в Могилеве.

— Ну, рад вас видеть,— с видом искренности сказал Федор Ксенофонтович.— Посидите, мы закончим читать один документ...— И Чумаков продолжил читать письмо профессора Романова, уже про себя потешаясь над тем, с каким вниманием вслушивался в каждую его фразу «майор Птицын», полагая, что присутствует при открытии «тайны тайн».

Генерал Микофин как бы угадал внутреннее состояние Чумакова и, когда тот закончил читать письмо, с видом большого глубокомыслия заключил:

— В своем письме товарищу Сталину профессор Романов запутался в трех философских соснах. А сосны эти растут на утесе, с которого мы с тобой, Федор, в академии ныряли в волны диалектического материализма и не раз ломали шеи. Я имею в виду наши мудрствования о случайности как проявлении закономерности. Помнишь, ставили, например, вопрос: случайно, что родился Наполеон и именно на острове Корсика, откуда бежал во Францию?..

— Да нет же! — возразил Чумаков.— Тут о более конкретном.

— Это так тебе кажется. Старик Романов часто забывал, что необходимость «образуется» из массы случайностей. По Энгельсу, в природе и в обществе случайное необходимо, а необходимое так же случайно. Но случайность всегда подчинена внутренним, скрытым законам...

«Майор Птицын» ничего не успел «выудить» для себя из этого философского диалога, как в дверях появилась уже знакомая рыжеволосая медсестра и строго изрекла:

— Товарищи военные, прошу прогуляться на воздух... Я имею в виду гостей.

— Семен Филонович,— обратился Чумаков на прощание к Микофину.— Ты, надеюсь, на машине?

— Разумеется. «Эмка» ждет.

— Подвези майора Птицына до Москвы.

— Пожалуйста. Приглашаю, товарищ майор...

По дороге в Москву граф Глинский получил от генерала Микофина записку к полковому комиссару Лосику с просьбой направить «майора Птицына» в действующую армию на должность начальника издательства армейской газеты. Все происходило точно по плану, разработанному армейскими контрразведчиками, цепко державшими под наблюдением абверовского диверсанта.

Продолжение следует.

Сбережем природу. Коллаж Олега ГРАЧЕВА

5 ИЮНЯ — ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

ВСЕ ЖИВОЕ НА ЗЕМЛЕ

Георгий СЕМЕНОВ

природа — наш дом

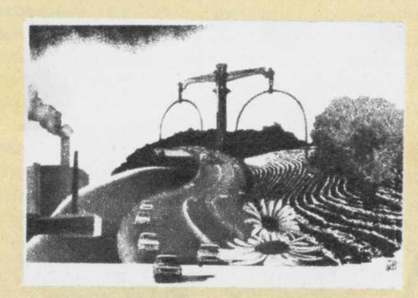
Тишина вокруг стояла подмосковная. Стучала за лесом электричка, грохотали и гудели машины на шоссе, ревели самолеты, взлетающие с соседнего аэродрома и идущие на посадку. Но в промежутках слышалось, и как хлюпает под сапогами, блестящими от росы, вода, и как шуршат брезентовые куртки. И птахи кое-какие свистели, свиристели.

Вместе с известным прозаиком Георгием Семеновым мы шли узенькой топкой тропинкой и говорили о том, чему посвящено практически все творчество писателя,— о природе, о человеке в природе, о человеке — неотъемлемой частице природы.

— Я думаю,— говорил Георгий Витальевич,— не грех снова и снова напоминать людям о сохранившейся еще красоте земли. О чистоте не тронутых промышленными сбросами рек, о лесной глухомани, в которой живут еще редкие птицы и звери. Бороться за сохранность окружающей среды можно и должно всеми доступными средствами. Описывая природу, мне хочется пробудить в человеке тревожное чувство: все это может погибнуть, если люди по неразумению своему испортят и то, что пока осталось, не постараются спасти, возродить... Сам человек — произведение природы. Природа диктует человеку свои законы. И нарушать эти законы не менее преступно, чем законы юридические, собранные в уголовном и прочих кодексах. Только в отличие от них природа карает и невиновных, еще даже не родившихся.

...В лесу пахло прошлогодней прелью, смолой, влажной березой, хотя берез поблизости видно не было. Лишь по другую сторону оврага, за серебрящейся лужайкой белел небольшой березнячок и справа от тропинки клонились к земле задавленные, наверное, трактором две березки с поломанными ветками, размозженными стволами. Поднялась и медленно полетела наискосок от нас боль-

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Первые письменные законодательные акты по охране природы в России появились в XI—XII веках. В «Русской правде» Ярослава Мудрого ограничивалась добыча зверей и птиц. В XIII веке князь Владимир Волынский заложил основу будущего заповедника — Беловежской пущи.

●

В XVI—XVII веках появился ряд царских указов, ограничивавших добычу пушных зверей, таких, как бобр и соболь. Во второй половине XVII века при царе Алексее Михайловиче были приняты и обнародованы указы о введении сроков охоты и определяющие зоны, запретные для охоты.

●

Обширные мероприятия по охране природы, носившие общегосударственный характер, были предусмотрены указами Петра I. Особенно много внимания уделялось охране лесов. Строго охранялась чистота воды в Неве, некоторых других реках, каналах, гаванях. «Устав о рыбной ловле» и другие указы запрещали хищнические способы ловли рыбы, охраняли нерестилища.

●

Подписанный Лениным 27 мая 1918 года «Основной закон о лесах» содержит специальный раздел «Охрана лесов». Этот документ — первый государственный акт по регулированию эксплуатации и охране природных ресурсов.

●

Астрахань еще находилась в кольце осады, а В. И. Ленин в январе 1919 года принимает агронома Н. Н. Подъяпольского и советуется с ним о создании заповедника в дельте Волги.

●

Требование санитарной охраны воздуха, воды и почвы было внесено в Программу партии, принятую VIII съездом РКП(б) в 1919 году.

●

Начиная с 1600 года, по данным Международного союза охраны природы и природных ресурсов, к 1977 году на Земле вымерло 94 вида птиц, 63 вида млекопитающих и еще больше исчезло подвидов птиц и зверей.

●

Сегодня опасность исчезновения грозит более чем 600 видам птиц и около 120 видам млекопитающих, многим видам рыб, земноводных, пресмыкающихся, моллюсков, насекомых.

шая сорока. Промахнули две вороны. Пролетел прямо над нами ТУ-154 и с минуту вообще ничего слышно не было. Мы вышли на поляну, откуда виднелись многоэтажные окраины Москвы.

— С каждым годом все больше разрастаются города, обрастают спутниками, процесс этот неизбежный и необратимый. Большинство людей живет в городах. Каковы, по-вашему, взаимоотношения природы с городами, такими крупными, как Москва, например?

— Я не так давно в Хельсинки был,— сказал Семенов.— Коренные жители города там босоногими хельсинкцами называются. Вот и меня можно было бы назвать босоногим москвичом. Москвич я в четвертом или пятом поколении, то есть любовь ко всему, что есть большой город, у меня в крови. Мой дед по отцу был страстным любителем рыбной ловли. Как рассказывала бабушка, на Москве-реке в районе нынешнего Большого Каменного моста стояла лодка, с которой он ловил язей и плотву в чистой и рыбной тогда реке. Мой отец, тоже не чуждый рыбацкой страсти, заразил ею и меня. Мы исходили с ним все Подмосковье и много раз ловили рыбу с берегов Москвы-реки. И всю жизнь город для меня — тоже как бы природа, своеобразная, хотя писать о городе очень трудно: только начнешь описывать какой-нибудь кривой московский переулок, а глаз невольно ищет дерево, растущее за оградой, желтый лист на тротуаре, дождевую лужицу на мостовой, облака над крышами. Да и неизбежно это.

Человеку в наше время — я имею в виду жителя большого города, являющегося чем-то вроде замкнутого микромира в макромире,— необходима время от времени разрядка. Отдых. Освобождение от всевозможных стрессов. Если этого нет, то один замкнутый мир неизбежно сталкивается с другими, и к добру это привести никак не может. Побольше бы Москве и многим городам оазисов природы, как в Киеве, в Ереване, где можно послушать плеск волн, шум листьев! Это отдых, разрядка, спасение.

Но, по-моему, нельзя и очеловечивать природу, если можно так сказать,— продолжил писатель.— Она равнодушна, если уж по большому счету. Никто, кроме человека, не знает о неизбежности смерти. И это, думаю, прежде всего сделало его царем природы. Сознание смертности всего сущего рождает милосердие, но и невиданную в животном мире жестокость, и подлейшую на земле философию: после нас хоть потоп! Никакие заповедники не спасут, на мой взгляд, если не создавать заповедников в душах людей. И необходимо снова и снова показывать людям красоту жизни, природы, учить ее видеть, слышать, осязать и обонять. Но я против сантиментов в отношении к природе! И сюсюкающей любви к кошкам и собакам тоже не одобряю. К природе надо относиться, как к дому, который нас приютил на несколько десятков лет, а кому повезет, и чуточку больше, но который мы неизбежно оставим тем, кто придет после нас. Настоящий хозяин никогда не оставит после себя хлама, выбитых окон, прогнивших половиц, обрушившихся стропил и уж тем более — груду обгоревших бревен... И хозяин никогда не станет обливаться слезами умиления при виде своего дома, а вместо этого возьмет молоток, гвозди и что-нибудь приколотит нужное, подкрасит, хотя, конечно, и ему доставит наслаждение, утомившись от трудов, взглянуть на дом свой со стороны на закате или вот солнечным утром, как сейчас...

Вечером мы пошли стрелять вальдшнепов, но ни одного не подстрелили. Зато насладились мягкими, тихими подмосковными сумерками. Действительно, тихими. И самолетов было как-то совсем мало, и машин не слышно. Казалось порой, что не в Подмосковье мы, а где-то в глуши, куда добираться и добираться.

— Если собрать всех зверей и птиц, убитых героями русской литературы, всех пойманных рыб, то можно было бы создать колоссальный заповедник, не правда ли?

— Не слишком колоссальный, думаю. Но действительно, охота, рыбалка — традиционные для нашей литературы темы. Вся почти русская литература, как ни одна, может быть, другая литература в мире, наполнена природой, пристальным и очень вдохновенным вниманием к тончайшим ее проявлениям, изменениям. Но русская охота никогда не была убийством. Вспомните Майн Рида, даже Хемингуэя. У них охотник — этакий супермен, возвышающийся над природой. У нас, в России,— человек, пытающийся с ней слиться, как бы вернуться к тому, от чего ушел, хотя бы на время, на краткий миг. Скажу больше: охота для русского — как своеобразная исповедь перед самим собой и перед вечным, безгрешным, тем, что умеет понять и простить. Всегдашняя мука — выворачивающая душу, выжигающая скверну, очищающая, благотворная. Что касается вреда от нормальной, по законам, охоты, то говорить так несерьезно, по-моему. Охотник не браконьер, не тот, кто глушит, расстреливает с вертолетов, ночью, слепя фарами, бьет беззащитных, а истинный грамотный охотник, мужественный, милосердный, настоящий мужчина, неспособный к подлости по отношению к живому,— такой охотник не принесет вреда природе, я убежден в этом! Промышленные и разные прочие отходы приносят неизмеримо больше бед, чем охота. И не только отходы. У нас принято и принимается очень много постановлений, решений об охране природы. Они все удивительно верные, продуманные. Задача в том, чтобы соблюдать их. Чтобы не оставались они на бумаге.

...Я слушал писателя, и вспоминались мне слова из трогательного его рассказа «Зачарованная поляна»: «Теперь, когда все чаще обеспокоенные туристы, просыпаясь в оранжевых палатках там, где когда-то гнездились утки или вела к овсам свой выводок пестрая тетерка, из самых благих намерений выступают против охотников и охоты, наивно думая, что не они, живя в гнездовой период в лесу или возле реки, а охотники перевели всю дичь в угодьях, и не они, а охотники разогнали все живое на много верст вокруг транзисторами и попойками, кострами и шашлыками, машинами и моторными лодками,— я с печалью гляжу на далекого теперь худощавого паренька с ружьем, стоящего на том бережку бурно разлившегося, мутного ручья, вижу его счастливую улыбку и притороченного к поясу одного-единственного жалкого вальдшнепишку.

Но я-то знаю, что никто никогда так не любил все живое на земле, как тот сероглазый парень в резиновых сапогах, которого я помню по любительским фотографиям, хранящимся у меня в альбоме».

Беседу вел Сергей МАРКОВ.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА и Н. РАХМАНОВА

НА ПЕРВОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Узоры русского леса.

НА ВТОРОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Зимородок * Европейский олень * Журавль-красавка * Дельфины в Батумском дельфинарии.

НА ТРЕТЬЕЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Репетекский заповедник в Туркмении.

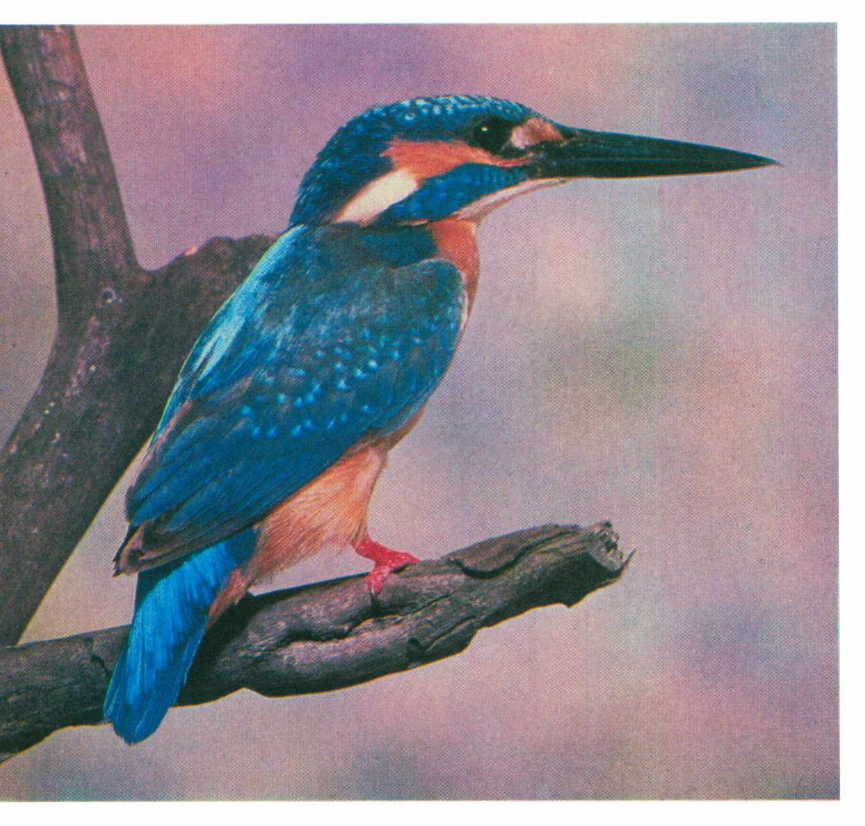
НА ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ ПОЛОСАХ ВКЛАДКИ: Урал. Река Чусовая.

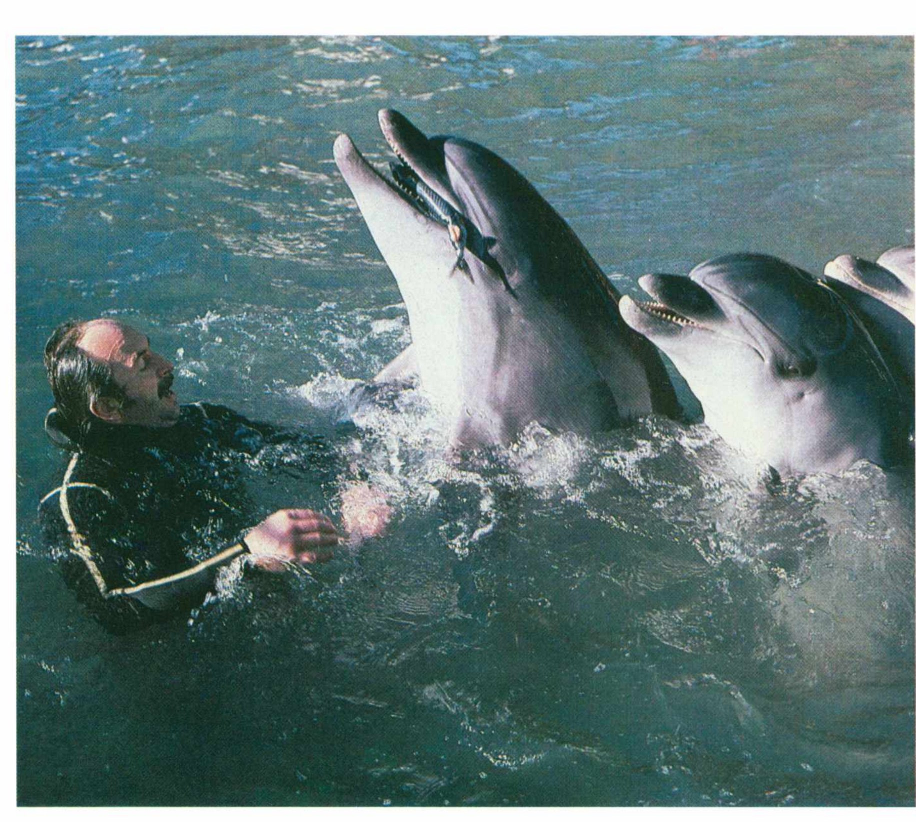
НА ШЕСТОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Камчатские медведи * Лось * Тетерева на току * Сычик *Волк.

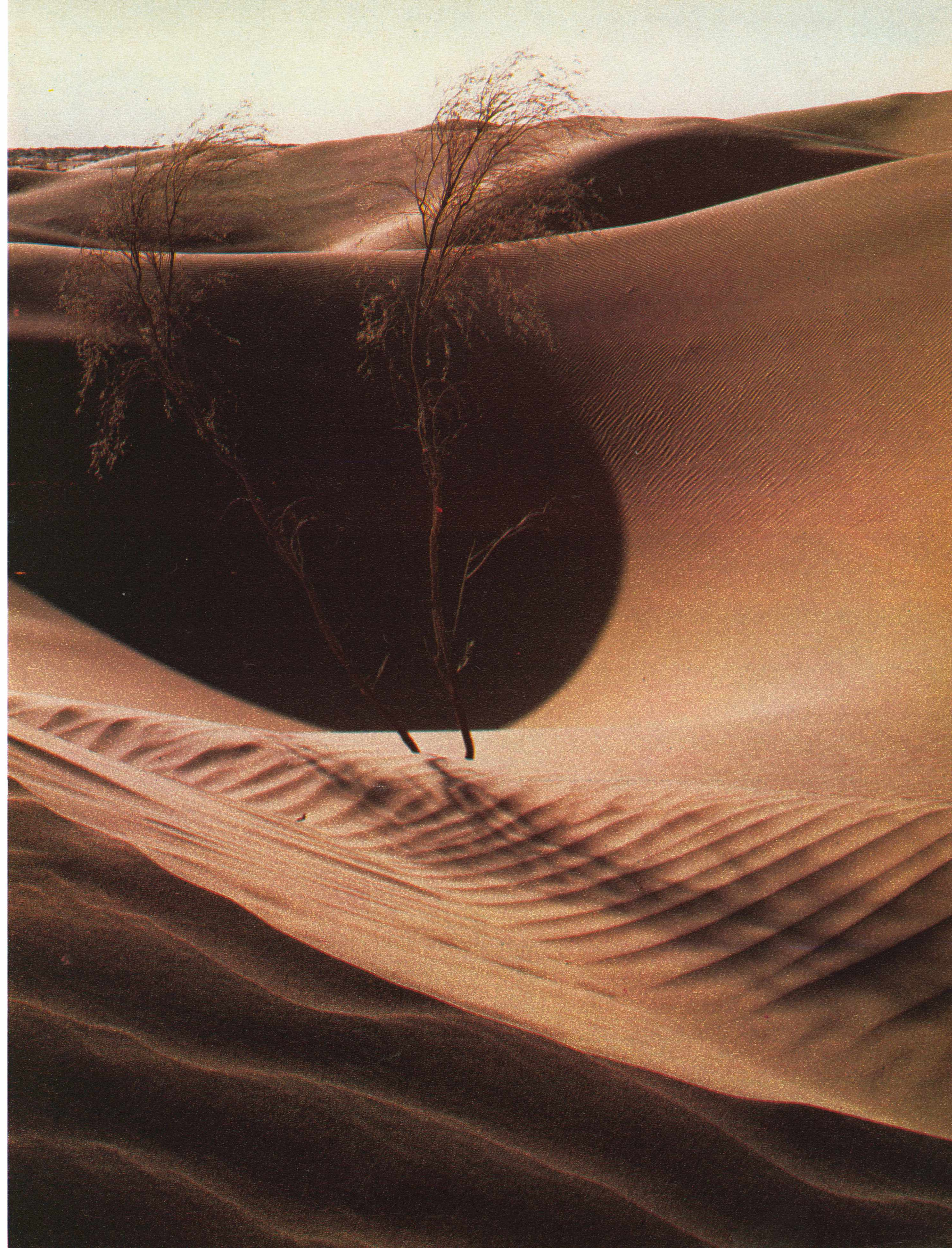
НА СЕДЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Кижи.

НА ВОСЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Туристскими тропами * Павлин в приморском парке в Гагре * Куланы * Страусы в заповеднике Аскания-Нова * Зебу в горах Азербайджана.

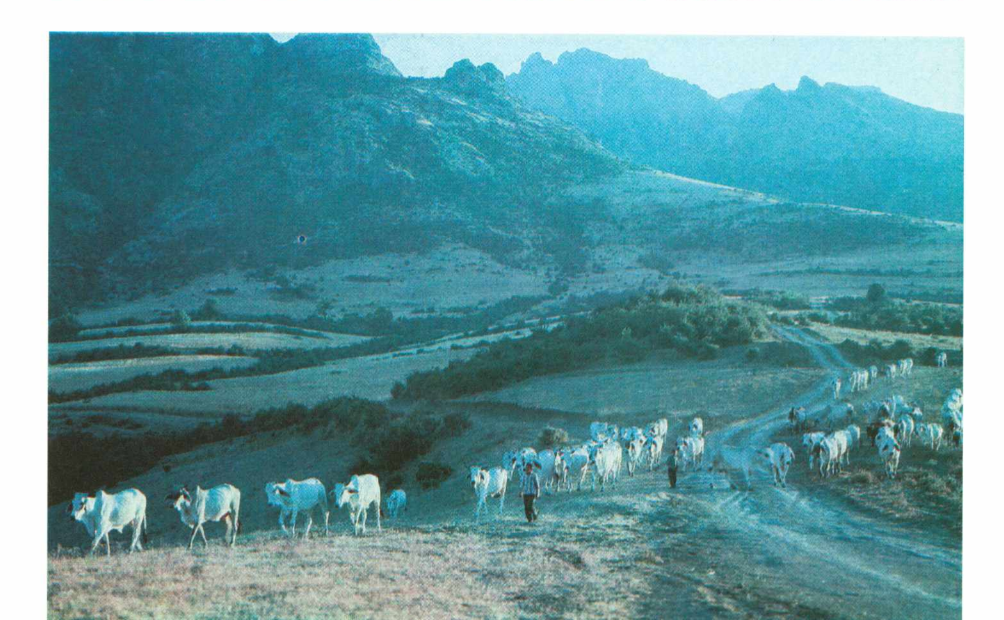

Л. КОРОБОВА

Отдаем долги

— Поезжайте-ка в Удомлю Калининской области, помню, лет двадцать назад, когда я там работал, красивейшие это места были. Венецианов там писал, Левитан... Посмотрите, как уживается местная природа со строительством нового города и электростанции,—посоветовал мне Г. Г. Ган, заместитель председателя Центрального совета Всероссийского общества охраны природы. Общество награждено орденом Трудового Красного Знамени, а недавно получило Серебряную медаль — одну из высших наград ООН по программе охраны окружающей среды.

...Прав был Герман Георгиевич Ган: удивительно красивые места в Удомельском крае! Одни только озера чего стоят! Несколько лет назад на выставке картин русских художников в Нью-Йорке восторг посетителей вызвал прекрасный пейзаж крепостного художника Сороки «Озеро Молдино». И приятно мне было увидеть, что тщательно охраняются здесь и дача художников «Чайка» на озере Удомельском, сопка Левитана, остров Двиново, сосновый бор на берегу озера в деревне Лайково-Попово. Удомельская организация ВООП насчитывает почти четыре тысячи человек.

Побывала я и на озере Молдино, что писал Сорока. Недалеко от этого озера расположилась Брусовская средняя школа. По городским масштабам она невелика — 140 учащихся, но своими делами, своим отношением к охране природы снискала огромное уважение в округе.

С 8-го класса здесь введены уроки по охране окружающей среды, в том числе экологии растений. Невольно замечаешь, что цветов в Брусове больше, чем в Удомле. Оказывается, школа влияет не только на своих учащихся, но и на жителей поселка, многие из которых у своих домов стали разводить садовые цветы, а полевые рвать перестали. Только гладиолусов выращивают школьники до ста сортов, десятки сортов георгинов, есть и клематисы, присланные из Прибалтики, астры. Неудивительно, что на ежегодной районной выставке цветов ребята занимают первое место. Сейчас школа закладывает аллею ветеранов, а в тот день, когда я приехала, там проводился День птиц — восьмиклассники сделали и развесили 48 скворечников. Все ученики школы — юные друзья Общества охраны природы, летом и осенью они отправляются на экскурсии в окрестные леса, проводят уроки на природе.

— В прошлом году мы задержали 52 нарушителя правил охоты, рыболовства и сбора ягод, 48 из них привлечены к ответственности,— рассказал мне заместитель председателя райисполкома В. М. Мухин.— Особенно внимательно мы следим за началом сбора ягод и за самим сбором, объясняем, что если вырвать кустик черники с ягодами, то потом на этом месте ягоды появятся лишь через пять-шесть лет. А ведь некоторые даже специальными «щетками-комбайнами» обдирают ягоду, губят ягодные места.

В Удомельском районе 48 болот, за клюквой едут сюда из других областей России. Общество охраны природы явилось инициатором сохранения этих болот. В местной заготконторе мне дали такие цифры: клюквы в прошлом году сдано государству 32 тонны, рябины красной — 14 тонн, грибов сухих — 206 килограммов, черники сухой — 520 килограммов. И все это при строгом соблюдении правил сбора ягод.

— Что касается нового города, то, конечно, как любая стройка, он приносит нам хлопоты,— говорит Вячеслав Михайлович,— но пока все эти проблемы разрешимы и не дают оснований для сильной тревоги: чистота воды в озерах и реках строго контролируется, воздух над городом чистый. Район наш богат лесами, но мы, к сожалению, даже не вырубаем расчетной лесосеки. Лес перестаивает, при сильном ветре деревья падают, гниют... Плохо и перерубить лес и недорубить его.

И вот, вернувшись из Калининской области, вновь зашла я во Всероссийское общество охраны природы к Герману Георгиевичу Гану, рассказала о том, что увидела, с кем беседовала.

— Вы говорите: пока воздух над городом чист. Но надолго ли?.. Сотни машин уже сейчас на стройке, и все загрязняют воздух. Это вопрос, с которым в перспективе непременно придется столкнуться, и надеюсь, что и руководство района и активисты общества будут на высоте при его решении.

Хорошо там охраняют болота. Кажется, совсем недавно очень увлекались их осушением, но вовремя опомнились, и вот уже несколько лет охраняются болота в северных областях России. Какое-то количество их все-таки будет осушаться, но какое? Об этом-то и идут сегодня споры: одни считают — не более пяти процентов, другие — до пятидесяти... Болот в нашей стране много, и они являются своеобразным законсервированным резервом для земледелия, но пользоваться этим резервом следует очень осторожно. Недаром на октябрьском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что при осуществлении мелиорации необходимо строго соблюдать осторожность, чтобы вторжение человека в природу не только не нанесло ей вреда, а улучшило и облагородило ее возможности.

— А как ВООП осуществляет общественный контроль за соблюдением законов, охраняющих природу?

— Мы проводим специальные рейды. Например, недавно проверили, как осуществляется надзор за охраной атмосферного воздуха. В 108 из 280 городов в РСФСР, где была проверка, загрязнение воздушного бассейна резко уменьшилось. На многих предприятиях установлены газопылеулавливатели. Выявились и недостатки: не все котельные переведены сегодня на жидкое и газообразное топливо.

Проводили мы и специальные мероприятия по борьбе с выхлопными газами в Омской, Воронежской областях, Карелии. Было проверено семь тысяч предприятий и около пяти тысяч автохозяйств. Интересно, что эти рейды мало кого оставили безучастными, подтолкнули инициативу инженеров и рабочих. Так, на Андроповском объединении моторостроения в Ярославской области после рейда общественный технический комитет разработал 32 мероприятия, направленных на снижение вредных выбросов в атмосферу. Только в Москве за три года построено и реконструировано тысяча двести газоочистных установок, что позволило задержать более восьмидесяти процентов от общего количества веществ, выбрасываемых в атмосферу.

— Но разве все в этом отношении так благополучно?

— Увы, нет. Многие предприятия продолжают загрязнять окружающую среду: увеличивают мощность производства, и аппараты газоочистки не справляются с нагрузкой; своевременно не проводится ремонт газопылеулавливающих установок. Вот вам конкретные данные рейда: в Горьковской области из 2128 эксплуатируемых установок неисправны были 166, а 63 установки работали неэффективно. На Елабужском арматурном заводе в Татарии до сих пор не введена в действие установка «Циклон», из-за чего из 17 источников загрязнения 10 не оснащены газопылеулавливающими установками. Такое же положение дел и на заводе фосфорных солей в Дагестане, на судоремонтном и машиностроительном заводах Астраханской области, на объединении «Роскожпром» Курской области.

...Мне приходилось беседовать со многими членами ВООП, пожалуй, самой многочисленной общественной организации нашей страны. И думается, что проверочные рейды, о которых рассказывал Герман Георгиевич Ган, имеют прежде всего воспитательную нагрузку. Человек сегодня должен быть экологически грамотным, должен научиться воспринимать природу как единое целое, а себя — как часть ее и на этом основании строить свое отношение к лесу, к животным, к реке, к земле...

ПОЛЬЗА И КРАСОТА — СЕСТРЫ

«Дубъ всякой, илимъ, вязъ и сосну толстую, а въ другихъ мѣстахъ, которыя и далѣе указныхъ верстъ, дубу, кромѣ самой нужды, не рубить; а буде на какiе заводы дубъ понадобитца или въ алтилерiю, брать указы изъ адмиралитейства».

Текст этого указа, написанного собственноручно Петром I, я увидел на столе директора Всесоюзного НИИ охраны природы и заповедного дела доктора биологических наук, профессора Ю. П. Язана.

С помощью института создана перспективная сеть охраняемых природных территорий до 2005 года. Особенно много новых заповедных хозяйств предполагается организовать к востоку от Урала, в Западной, Средней и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке.

Но зачем вообще нужны заповедники?

Заповедники можно сравнивать с кондиционером, который улучшает, обогащает состав воздуха, которым мы дышим. Воздушные массы, проходя через растительный фильтр лесов, очищаются, становятся более насыщенными кислородом. Но прежде всего это центры науки. Они дают возможность изучать природу в ее естественном состоянии, обнаруживать отклонения от нормы, которые вызываются человеческой деятельностью. А выявив отклонения, определить, что происходит в природе, «откуда ветер дует» и как предотвратить вредные влияния.

— Например, в природе нормальное соотношение полов у большинства видов диких животных — один к одному: на одного самца приходится одна самка, — рассказывает Ю. П. Язан.— Но бывает, что соотношение сдвигается в ту или другую сторону. Если больше самок — значит, состояние среды благоприятное, и емкость угодий позволяет еще больше увеличить численность животных. Больше самцов — делаем вывод: преобладают отрицательные факторы, и, стало быть, численность необходимо сократить.

Наконец, заповедники — своеобразный природный банк, который сохраняет приспособленный к местным условиям генетический фонд растений и животных. Главное, думал я, слушая ученого, то, что заповедники — центры экологической пропаганды среди населения, посещение их действует на нас эмоционально, будит ум и душу.

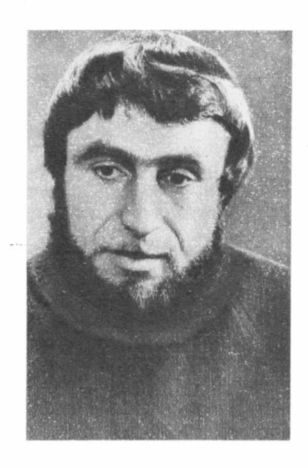
Красота в природе не бессмысленна, она рациональна. Раньше, например, в России была тьма прудов, оживлявших пейзаж, но они давали и энергию для мельниц, в них водилась рыба, а на берегах селились животные. Но главное — малые пруды поднимали уровень грунтовых вод, способствовали лучшей подаче влаги сельскохозяйственным культурам.

— Сейчас малых прудов почти не осталось, грунтовые воды во многих местах понизились, что весьма отрицательно сказывается на урожае,— говорит Юрий Порфирьевич.— И очень отрадно, что многие хозяйства по нашим рекомендациям приступили к возрождению старой традиции. Разрабатываются в институте и методы использования отходов сельскохозяйственных комплексов, и методы облагораживания ландшафтов.

Многие ли сейчас захотят поступиться даже несколькими квадратными метрами пашни и посадить на этом месте рощу? А ведь такой оазис в поле не только красив, он еще и полезен. Там селятся птицы, уничтожающие массу насекомых. И уже не нужны в таком количестве гербициды, нарушающие экологическое равновесие в природе, обедняющие почву, пагубно влияющие на живое. Облагораживание ландшафта — важный путь оптимизации земель, на которых не должно быть безобразных ран, вызванных эрозией, пустошей, брошенных участков. В природе красота и польза всегда идут рядом.

А. РУСАКОВ

Озеро Белое

Василий АФОНИН

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Середина зимы — самая глухая пора ее. Погода держится мягкая, сеет и сеет мелким снежком. Низки небеса. Пасмурно, тихо. Скоро февраль — месяц метелей: потянет, поползет по полям поземка, занося всякий след...

По вечерам мы с дочерью берем санки и отправляемся на озеро Белое кататься. Это совсем недалеко. Нужно пересечь улицу, свернуть в безлюдный переулок, составленный из бревенчатых домов, и вот уже озеро.

Хоть оно и невелико и находится в самом что ни на есть центре промышленного города, в любое время года хорошо на озере, как всегда хорошо бывает человеку близ воды.

Весной, вдыхая запах молодой березовой и тополевой листвы, ощущая их свежесть и клейкость, вдыхая запах розовых цветов шиповника, глядя, как неуклюже переползает с цветка на цветок толстый мохнатый шмель, забудешься на какое-то время, унесясь мыслями далеко-далеко, на родину, в детство, и не видишь, не слышишь уже ничего: ни города, ни коптящих поодаль заводских труб, ни шума машин, только вот эта зеленая трава, розовый шиповник, басовитый шмелиный гуд, прохлада воды, мерный шелест древесной листвы над головой.

Летом в полуденную жару можно посидеть под широкой тенью ветвистых тополей, передохнуть, остывая, и пойти дальше. Погожими днями в пору листопада, когда слабеет жара, на озере люднее всего. Молодые матери неспешно прогуливаются, толкая впереди себя коляски, или приводят за руку тех, кто уже научился ходить. Пожилые горожане приходят с внуками, рассаживаются по скамьям, разговаривают, поглядывая на ребятишек, собирающих в букеты разноцветные листья. А с первым снегом проложат вокруг озера лыжники лыжню и погонят по ней размашистыми шагами...

Дочь моя раскраснелась, вывалялась в снегу, облюбовала новую горку, скатывается самостоятельно, с пыхтением втаскивая санки наверх. А я прохаживаюсь неподалеку, дивясь, как роятся под фонарями снежинки.

— Папа, почему озеро называется Белым?— спросила меня как-то дочь. Я стал вспоминать, что довелось услышать об озере, а потом рассказывать дочери, но так, чтобы ей интересно было слушать.

Давным-давно не было окрест ни шумных улиц, ни заводских корпусов, ни деревянных и каменных домов, а стоял густой березовый лес, сохраняя в гуще своей озеро. И такие ровные, прогонистые, белоствольные березы подступали к берегам озерным, что белым-бело было от стволов тех, да и вода в озере была родниковая, прозрачная, белая. Белый свет берез падал на белую воду, потому и прозвали люди озеро Белым.

А вода в озере, по слухам, была не простая — целебная, чудодейственная. Кто-то из местных жителей, страдающих болезнью глаз, умылся однажды водой озерной и вдруг почувствовал, что стало ему будто бы легче. На второй день умылся, седьмой, двадцать пятый. И что же — излечился совсем, сам того не ожидая. Прозрел человек, увидел свет белый.

И далеко разнеслась молва о чудесной озерной воде. Отовсюду приезжали и приходили на озерные берега страдающие, потерявшие надежду видеть, как видели раньше. Пили воду, промывали глаза. И заново обретали как бы возможность взглянуть на свет белый. Воду озерную уносили, увозили с собой. И прозвали озеро люди, излечившее их нежданно-негаданно, Белым. Озеро Белое. Белое...

Все это я рассказал своей маленькой дочери. Она выслушала рассказ самым серьезным образом, без малейших сомнений. А я и сам ни в чем не сомневался. Да и какие могли быть сомнения?! То, что на месте этом, озеро окружая, до некоторых пор росли естественные леса, ясно каждому. Лишним доказательством тому служит Михайловская роща — почти пятидесятигектарный зеленый остров на правом, всхолмленном берегу речки Ушайки, притока Томи. Город расстраивался, леса вырубались, а роща чудом сохранилась, напоминая горожанам, каково было тут когда-то. И вода озерная вполне могла быть целебной. Нет ничего удивительного, что люди, умываясь, лечили озерной водой глаза. Прозревали. А если даже это и легенда, то все равно хорошо — очень красивая, жизненная легенда. Потому и передается из поколения в поколение, не забывается...

Еще несколько лет назад озеро Белое выглядело иначе. Деревьев вокруг него было больше, а асфальта меньше. Берега не были закованы в бетон, это были обычные, естественные берега, заросшие травой. Вода была прозрачной, потому что питали озеро родники, или ключи, как их еще называют. Исстари водилась в озере рыба карась. Все условия создала природа рыбе для этого: чистую, насыщенную кислородом воду, необходимую среду с донной и по отлогам берегов травой, с различными жучками и личинками...

Город благоустраивался. Задумали благоустроить и озеро Белое, придав ему вид чисто городской, нечто такое — сквер с озером. Решили для начала углубить его и по возможности расширить, но для этого надобно было откачать воду. И уже подъехала и разместилась по берегам необходимая техника. И принялись откачивать воду. Родники не поспевали за насосами, вода убывала. Показалось дно. С берега сполз многотонный бульдозер и сразу же увяз. Он натужно ревел, стараясь хотя бы развернуться, буксуя, закапываясь по самые гусеницы.

Бульдозеру пытались помочь с берега, рвались толщиной в руку канаты. Спешно загнали второй бульдозер, легче, тот стал елозить туда-сюда по дну, забивая родники. Расчет был прост и точен: как можно быстрее заглушить

родники, вода перестанет поступать, дно подсохнет, и можно будет вести необходимые работы. С родниками справиться удалось: то ли они были заглушены напрочь, то ли изменили направление свое, но вода уже не поступала, дно постепенно подсохло, бульдозер поддел верхний пласт и, дрожа корпусом, пополз к берегу, выталкивая землю на самый гребень. Спустился обратно, захватил пласт...

Долго все это продолжалось. Когда дно было углублено и относительно выровнено, а бульдозер вылез, то откосы береговые затеяли засыпать гравием, укрепляя. А по самой верхней кромке берега сколотили опалубку, наполнив ее раствором, чтоб охватить озеро бетонным парапетом. Охватили. Сделали ступенчатые сходы в воду, бетонный парапет обнесли асфальтовым кольцом, чтоб пешеходу не ступать по траве. Велись и другие работы.

Бетон застыл, асфальт отвердел, гравий лег по береговым откосам от парапета до самого дна. А дно было сухое. Требовалась вода, чтобы заполнить озеро, но родников более не существовало. Провели тогда от ближайшего водовода трубу. Когда озеро было заполнено до нижнего уровня парапета, в него сразу же запустили привезенную откуда-то рыбу, не создав ей необходимой жизненной среды. И ушли. А осень была на дворе. Начались дожди, повалил снег, пали на землю заморозки. Озеро покрылось льдом. Есть рыбе было нечего, дышать нечем. Весной лед растаял, и все увидели, что рыба в озере передохла до единой и всплыла. Так она и лежала на поверхности, белея животами.

Вода прогревалась, рыба портилась. Стали тогда дохлую рыбу отлавливать, выловили, следом запустили новую партию. А корм снова не дали. На этот раз спасать рыбу взялись горожане, подкармливая. Придешь на озеро, глянешь: стоят по берегам взрослые, дети. В руках хлеб — булки, батоны, баранки. Отломит кусочек, бросит. Отломит, бросит. По воде всплески, круги от хлеба, всплывающей рыбы. Так изо дня в день с весны до глубокой осени, до заморозков, пока озеро не покрылось льдом.

Приживалась рыба трудно. То, что она голодная, видно было всякому. К брошенному куску кидалось сразу несколько рыбок, стараясь вырвать одна у другой. Постепенно рыба стала наедаться, а люди все кидали хлеб, он размокал и тонул. Бросали про запас, чтоб зимой было чем питаться рыбе. Рыба выжила. Часть какая-то погибла, но большинство осталось в зиму окрепшей. Весной рыбу кормили, кормили лето, осень...

Не знаю, кого как, но меня озеро Белое поддерживает. Улица, на которой живу, превратилась в одну из напряженнейших трасс города. Даже в самые глубокие часы ночи слышится шум машин, днем шум не удваивается или утраивается — удесятеряется. Надышишься за день бензиновой гарью до головной боли, оглохнешь от шума и к вечеру, как начинает потихоньку стихать город, идешь на озеро, чтоб хоть малое время побыть возле воды, кустов.

Деревьев сейчас вокруг озера мало. Не белеют стволами березы, нет берез. Растет несколько (ах, как красивы они, заиндевелые, в морозные солнечные дни!) молоденьких березок. В сторонке, к воде их не подпускает асфальт. Растут старые, корявые, суковатые ветлы. Тополя. Тополя-то и спасают озеро, окружая его зеленым венцом. Высокие, сильные. Им долго еще жить, бросая на землю тень, давая людям прохладу, долго шуметь под верховыми ветрами. И как отрадно вдруг увидеть на самой вершине тополевой сорочье гнездо: птица! Оглянешься, а вон и сама сорока летит к гнезду...

Многотонный парапет, представлявший вначале единое целое, продержался недолго. Будто какая-то неумолимая сила, возникшая внутри озера, потянула к себе парапет, разламывая на части. Он стал сползать, накренившиеся куски его зависли над водой, отделяясь трещинами. Под тяжелыми бетонными глыбами, готовыми рухнуть в воду, развелись крысы. Не пугаясь прохожих, они перебегали перед ногами асфальт.

Январь, февраль... Времени своего никому не уступая, придет весна. Подуют влажные ветры. Раскачиваясь, зашумят оттаявшими ветвями тополя, растает на озере лед. По воде будет плавать то, что скопилось за зиму на озерном снегу. Вода в нем уже не бывает прозрачной. Обычно она мутная, зачастую ржавая или маслянистая, с радужными разводами. В озеро бросают не только хлеб. Плавают в воде обломки досок, палки, картонные ящики, окурки, спички, сигаретные пачки, бутылки, размокшие газеты...

Медленно хожу от фонаря к фонарю, а дочь моя катается и играет одновременно. Втаскивая на горку, устанавливая санки, рассуждает о чем-то, разговаривая сама с собой. Но нет-нет да и посмотрит в мою сторону: здесь ли папа. Счастливейшая пора у нее — детство. Растет, открывает, вбирает мир. Что ни миг, то удивление, что ни миг, то радость. Все дни хороши, один другого лучше. Сегодняшний вечер она на озере с санками, она спокойна: рядом папа, самый сильный человек на свете! Упадет ли неловко — папа тут же подхватит под мышки, поставит на ноги. Пробежит ли мимо большая собака, приблизится ли любопытный мальчишка с выломанной хворостиной, можно позвать папу, и он тут же поспешит к ней...

А я поглядываю на дочь и вспоминаю себя в ее возрасте. Свою деревню Жирновку, заснеженные берега речки Шегарки, откуда мы катались на санках и на лыжах. Вот вечер, полная луна высоко зависла над деревней, освещая тайгу, поля, речку. Белые берега, темные избы, свет в окнах. Тебе семь, тебе десять лет — и никаких забот, кроме школы! Вот ровесники твои — деревенские ребятишки, вот санки, вот речка с прорубью, вот берег-гора, с нее ты минуту назад скатился в сто сорок шестой раз. И скатишься еще столько же. А во-он твоя изба, три светлых окна. Там ты родился, там твои отец и мать, самые родные для тебя люди. Они отведут от тебя все беды, они заговорят все твои болезни, они развеют все твои печали. Катайся, играй, а потом побежишь домой. Тебя ждет ужин, тебя ждет теплая печка, интересная книжка, тебя ждут чудесные сны. Завтра будет снова день, будет снова вечер. Жизнь у тебя долгая-долгая, спи спокойно...

— Папа, что ты так смотришь? — спрашивает дочь. Она подошла сзади, а я и не заметил. Санки оставлены на горке, накаталась.

— Как смотрю?

— А вот так. Ты стоишь и смотришь, а лицо у тебя грустное. Ты думаешь, папа?

— Да, думаю.

— О чем ты думаешь?

— Обо всем сразу.

— Ты так же вот смотрел, когда мы ходили гулять в Михайловскую рощу. Помнишь, летом? Я маленькая была совсем. Меня комары тогда искусали. Там еще кирпичи валялись, кровать старая, проволока, железяки. Ты смотрел, смотрел, а после сказал, что роще нужно помогать. Ты помог ей, папа?

— Нет, не помог. Точнее, помог, но самую малость.

— А почему?

— Так уж получилось. Не поддержали меня другие дяди и тети.

— Папа, а нам в школе говорят, что природа — друг человека.

— Правильно говорят. Она-то нам друг, да мы не всегда относимся к ней по-дружески. Вот в чем беда. Плохо мы относимся и к роще, и к озеру...

— Они злые, те дяди и тети?

— Они разные.

— Им это неинтересно — природа, да, папа?

— Вот именно неинтересно. Они считают, что заняты более важными делами. Теми, которыми они заняты.

— А разве природа не важное дело?

— Очень важное. Только многие не понимают этого, не хотят думать об этом.

— Ты перестал ходить в рощу. Тебе обидно, папа?

— Перестал, верно. И не обидно мне. Грустно скорее... Ступай катайся.

— Ну что, — говорю спустя некоторое время, — пора домой. Поздно. Мама ждет.

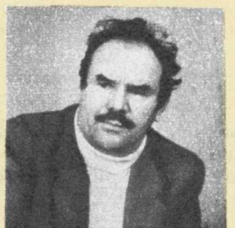
И мы идем домой.

— Папа, — оборачивается к озеру дочь, останавливаясь. И я оборачиваюсь. — Папа, погляди, как красиво.

Фонари. Деревья. Сугробы. Тихо падающие с темных небес снежинки. Стоим, любуемся. Дочь машет рукой, прощаясь с чем-то. Но это она просто так. Мы еще придем сюда.

Томск.

КОРОСТЕЛИ

Олег **ПОСКРЕБЫШЕВ**

●

Сомлела, попав под литовку,
Зашлась коростелиха-мать,
А все поднимала головку,
Все силилась что-то узнать.
Но что так могло ее мучить —
Всей видимой боли больней?
Да то, что еще нелетучих
Она оставляла детей.
Птенцы ее, коростелинки,
Слились — не усмотришь — с травой.
Хоть всех покоси, как былинки,
Не викнут под острой косой.
Уже стал смущать нас и путать
Любой стебелек и лопух...
— Уйти бы нам лучше отсюда,—
Тут бабы подумали вслух.
— Вы что,— кто-то гаркнул сурово,
Тяжелой махрой задышав,—
Забыли, как нонче коровок
Пришлось подымать на вожжах!
У баб и глаза задрожали,
И в голосе звякнула медь:
— Тебя бы — да теми вожжами,
Чтоб смог хоть чуток поумнеть!..
И тропкой среди многотравья
Все прочь побрели, как один,
Птенцам голенастым оставив
Хороший некошеный клин.
Такая вот малая малость —
Ну что в ней, кажись, разглядеть!
А что-то на сердце осталось
Всю жизнь трепетать и звенеть.

●

Лягушонок под листом притих,
А его мальчишки ищут-ловят.
Камни — чтоб ударить — есть у них,
Палки у мальчишек наготове.
Но услышал я, как чья-то мать
Отчитала сорванцов сурово:
— Вы его не смейте убивать!
Разве что он сделал вам плохого?!
...Вот бы дети всей большой земли —
Я подумал — услыхали это
И на сердце зарубить смогли
Сущность материнского запрета!
Миру подобреть пора пришла,
Но как часто все еще бывает:
Тех, кто никому не сделал зла,
Мучат, истязают, убивают.
Кровью и слезами залит мир,
Но еще страшнее в самом деле,
Что убийцы были ведь детьми,
Все они качались в колыбели.

НОША

Любили похвастаться силой
Мужчины в деревне у нас.
Чуть что: — А который на вилах
Закинет увесистый пласт?!
Чуть что — и с багровостью в лицах
Таскают кряжи и мешки.
Пускай захрустит в пояснице,
Но держат фасон мужики.
Но разве и ныне не то же,
Что в пору далекую ту:
Взвалил окаянную ношу
И стал у людей на виду.
Вот, думаешь, тяжесть я сброшу:
Не вол и не лошадь я все ж...
А только несешь свою ношу,
Как поднял — несешь и несешь.

г. Устинов.

К. КОСТИН

Рюмка чая

НОРМА ЖИЗНИ — ТРЕЗВОСТЬ

Мы не томились в ожидании, официант подошел быстро. Подал карточку. Доверительно наклонился:

— Что будем пить?

Он определил еще с порога: пить мы будем. Оставалась малость — выяснить, что именно. Он был готов посоветовать лучший из имеющихся напитков и быстро — одна нога тут, другая там — принести его, предваряя обед. Вместе с закуской, а то и до нее.

— Что будете пить? — уточнил вопрос.

— Чай,— сказал я.

Официант улыбнулся — щедро и белозубо. Я подумал: видимо, так улыбаться учат в официантской школе. Он улыбнулся, он понимал юмор, он оценил сказанное, он был готов поддержать шутку.

— Марочный? — Он наклонился чуть более, но не подобострастно, не теряя достоинства; и своего достоинства, и достоинства своей профессии. Он знал и помнил: кто он — официант такого ресторана! — и кто мы, случайные его посетители, даже не завсегдатаи.

— А есть и марочный? — Я решил не выходить из заданного круга, не отказался от принятой тональности.— Тогда «экстра».

— Бутылку или в графинчике?

— В стакане. Грузинский чай «экстра». Свежей заварки и с лимоном,— уточнил я.

Видели бы вы, как поскучнел мой собеседник!

— Узнаю на кухне,— буркнул он. И исчез надолго. А когда появился, то лишь молча указал ту незаметную строку в обеденном меню, где безымянный чай «вообще» вроде бы и был упомянут, но из этой записи — «с вареньем» — о том, что это за чай, узнать было решительно невозможно.

Что за чай, хорош или плох — это предстояло выяснить, лишь отведав напиток. А почему так, подумал я? Отчего не написать: краснодарский, индийский, грузинский или — вдруг! — цейлонский. И все остальное прочее — про чай. Отчего так лаконичны наши столовские и ресторанные меню? Они почему-то обходят массу вопросов, они ничего не сообщают о качестве блюда — а могли бы,— не называют даже тех, кто приготовил их. Будто бы работают на кухне совершенно безымянные повара и кондитеры, людская слава им чужда. Они трудятся в поте лица во имя того, чтобы попотчевать посетителя той же столовой № такой-то здешнего треста столовых... Никак не возьму в толк, отчего такая скромность? Некоторые руководители общепита не прочь порассуждать о престижности (или непрестижности) поварской профессии, но ведь уважать принято не должность, а человека. А как же уважать человека-невидимку? Так пусть хоть фамилию его напишут в столовском меню. Так, мол, и так: кисель для вас приготовил такой-то, а борщ сварил такой-то. Спасибо им... Если вкусно накормили, то большое спасибо!..

Порассуждать на эту тему время было: помимо чая, я заказал лишь блины со сметаной, и мой официант исчезал надолго, словно уходил на марафонскую дистанцию, словно расстояние до кухни исчислялось не метрами...

Мои соседи, занявшие столик рядом минут через пять после меня, уже поднимали второй тост, а я все еще прихлебывал светленький такой, не шибко ароматный чаек. Каждому свое...

Кто, когда, при каких чрезвычайных обстоятельствах ввел в практику и беспрекословно затвердил особый табель о рангах ресторанных блюд,— поди теперь дознайся. Пожмут плечами, подивятся неделовому вопросу. Дескать, что за блажь такая, что за вопрос — все блюда в ресторане равны. И пятикопеечный стакан чая и двухрублевая рюмка элитного коньяка. Никто не выводил приоритетов. Это я с уверенностью говорю.

И с такой же уверенностью утверждаю: горячительные напитки подают быстро и охотно, а горячий чай — с неподчеркнутым пренебрежением, затяжно, словно бы тот что нехорошее сделал для данной точки общепита.

Если вы заказали ужин с водочкой или, например, с коньячком, можете быть уверены, что обслужат вас поскорее и поприветливее, чем в безалкогольном варианте.

— К нам гости выпить приходят, а не чаи гонять,— признался мне разговорчивый гардеробщик, с которым я поделился своими наблюдениями.— Выпить и поесть,— добавил он после некоторого размышления.

Но если на такую платформу перевести весь общепит, который, само собой, не несет никакой ответственности за безответственное мнение ресторанного гардеробщика, если так вот посмотреть на едока, не очень трезвая получится картина...

Один из изобретателей как-то сказал мне, что собирается перенять ресторанный опыт. И, видя мою оторопь, пояснил: «Они очень быстро и естественно внедрили алкоголь. А чего недостает изобретателям? Именно опыта внедрения». Тогда мы посмеялись над таким поворотом, а ведь если это и шутка, то горькая.

Малопочтенная методология внедрения крепких и дурманящих напитков получает за последнее время все более заметное распространение. Во многих городах и пригородах открыли бары; казалось бы, что в этом плохого? Но я в своих командировочных вояжах да и по общепитовским документам никак не найду в их плотном ряду хотя бы пяток безалкогольных, скажем, фруктовых или молочных, баров. Открыть бы их, сделать бы рекламу, пустить бы там негромкую музыку — и пошла бы туда молодежь, сомнений в том нет. Но что-то не торопятся выйти на безалкогольные бары руководители общепита. Не возьму в толк, отчего так?

...Алкоголь не только бессердечен, но и беспредельно нагл. (Уж не оттого ли так грубы некоторые работники винных отделов магазинов, предположил я как-то?) В своем сокрушительном ничтожестве он не останавливается и перед преградами. Вот рюмочные. Вроде бы пристойно: пятьдесят граммов водки, к ней бутерброд.

Но заглянул я в одну из рюмочных, что на бульварном кольце столицы. И не понял, почему ее обозвали рюмочной. Водку продают, но в граненых стаканах. Граненых.

— Где же рюмки? — спросили продавщицу.

— Сколько их перебили-переколотили — клиент у нас темпераментный,— вразумила буфетчица. И сказала для убедительности,— но никто на стаканы не жалуется.

Рюмочные неподвластны времени, они запросто преодолевают его. Закрыли их было, а теперь снова открыли. Туда-сюда. Возродили, как из пены. Нет, конечно, не из пены: из пены возрождаются только пивные, а рюмочные появляются по энергичной заданности общепитовского начальства и инициативы некоторых общепитовских низов.

И еще что интересно. Тихо так открываются рюмочные, без рекламы. А вот появившиеся несколько лет назад — с рекламой, с литаврами — чайные что-то поутихли, зачахли, а то и попросту прикрылись. Отличная была когда-то чайная на столичной улице Кирова. Чаи, пироги, пряники... Потом кое-что добавили, поубавив, само собой, разнообразие чаев. Чай стал занимать в товарообороте еще меньшую долю. А коль так, что с ним церемониться? Поставили вращающуюся стойку с разными закусками, а самовар пришлось отодвинуть в глубь зала. Теперь чайную вовсе закрыли — на долгий ремонт. Поговаривают, что после его завершения это будет уже не чайная.

Общепитовцы лихо научились перепрофилировать некоторые свои заведения. Прежде было много блинных — никто в мире ничего не придумал лучше блинов! Рассказывали даже, что много-много лет тому назад предприимчивый итальянец оказался в России и был потрясен блинами: с медом или с молоком, с солеными грибочками или с маслом, а то просто со сметаной... Вернулся этот негоциант в свой Неаполь (или в Венецию, а может, в Рим — не суть), начал рассказывать о блинах. А ему не верят! Тогда попытался сам испечь. Не получилось. Умение тут нужно особое. Но большие и толстые лепешки все же испеклись. От них, поговаривают, и пошла пицца. Не утверждаю, что это так, прошло больше века, и проверить не могу, но почему не принять и такую версию? Да и не важна документальная точность моего примера. Ведь в том дело, что где-то посчитали блины устаревшими, «не в русле времени», и вместо блинных завели модные пиццерии. Они теперь есть всюду — и пусть будут! Но почему при этом оказались в забытьи блинные? Не оттого ли, что к блинам положен чай, а к пицце — бутылка вина? И думать не хочу, что руководствовались такими соображениями, но так сложилось: пиццерий все больше, а блинных очень мало. Конечно, пицца не блин на чужеземный манер. Пицца сама по себе. Но всякое механическое увлечение чьими-то традициями несуразно, когда оно исполняется за счет традиций наших. И отмененных только оттого, что служебный интерес кому-то подсказал, что удобнее, проще и выгоднее использовать не тот же при блинах чай, а вино при пицце.

Кому не понравилась безалкогольная блинная традиция? Кому приглянулась пицца с бутылочкой в три четверти литра красного винца?

Алкоголь отвоевал себе прочные позиции во многих странах мира. Только что пришел свежий номер журнала «Импакт», а в нем — печальные таблицы и графики производства и потребления алкоголя. Страны словно соревнуются, словно не хотят упустить первенства. Цифры, цифры, цифры... Чистый алкоголь — в литрах; динамика роста — в процентах. У всех прибавка. «Снижение потребления отмечено только в Австрии, Италии и Швейцарии»,— констатирует автор статьи. И отмечает: «Большое число алкоголиков ложится тяжелым бременем на экономику соответствующих стран. Размеры морального ущерба, который алкоголики причиняют своим близким, не поддаются никакой оценке». Конечно, не потому Италия уменьшила потребление алкоголя, что передала часть пиццерий (с вином) в другие страны. Это наивное предположение я делаю, чтобы как-то унять общепитовское рвение к тому, чтобы блюда непременно сопровождались выпивкой, чтобы развернуться в сторону, противоположную от алкоголя.

Может, даже где-то решатся создать два-три вовсе безалкогольных ресторана?! Тогда сообщите в редакцию. «Огонек» командирует корреспондента и фотокорреспондента, мы охотно расскажем о таком опыте...

Травы лета

В. Г. Ларцев — ветеран Великой Отечественной войны. Он доктор наук, профессор, декан факультета русской филологии Самаркандского государственного университета. Сегодня мы знакомим наших читателей с его стихами.

Василий ЛАРЦЕВ

В СТЕПИ

Пески раскалились, как печи,—
попробуй
ногой наступи!
Лишь ветра визгливые речи
в отчаянной слышим степи.
Лишь зноя тяжелые волны
свергаются вниз с высоты,
и просят прохлады безмолвно
колючек корявые рты.
Но вот
за курганом неближним
с ковшом протянулась стрела:
дорогою будущей жизни
канала черта пролегла.
Конечно, не просто,
не разом
придут сюда блага земли.
Но то, что казалось миражем,—
и вправду возникло вдали!
И медом наполнятся соты,
подымутся хлопка кусты,
и в синие эти высоты
соцветья
потянут сады...

В ПОЕЗДЕ

Всю дорогу вижу степи,
пыль полынную глотаю.
Лишь теперь мелькнули цепи
голубого Ала-Тау.
Скал пронзительные пики
мне мерещатся отсюда.
Горный край, могучий,
дикий —
сини льющейся посуда.
Вижу вновь холмы Алтая,
лес, и горы, и простор —
словно ширь моя родная
на меня бросает взор!

ПЧЕЛА

У моего рабочего стола,
что весь бумажным ворохом
загружен,
четвертый день
усердная пчела
до сумерек неугомонно кружит.

Здесь, на столе,—
причудливый букет.
Его в горах собрал я
в воскресенье.
Из-за него теперь покоя нет:
весь день звенит назойливое пенье!
Зачем пчеле
те горные цветы,
когда за окнами
в саду весеннем
рябит в глазах от пышной
пестроты,
от клумб с цветами мыслимыми
всеми?..
Или она сама
оттуда, с гор,
и залетела в этот сад случайно,
и давний, милый запах
повстречала,
и давний, милый, простенький
узор?..

...Весь стол —
в опавших за ночь лепестках,
давно исчезли в ветре ароматы,
чего же ей у старой вазы надо:
летает — не насытится никак?
Я отворяю ей
мое окно...
Мой долгий взгляд и пристален,
и горек.
Вот так и я
спешу под вечер
в город,
откуда ты
уехала давно.

НА АФРАСИАБЕ

Этот путь был тернист и долог.
С той ли, с этой ли стороны
путь отыскивал
археолог
ко дворцам седой старины?
Стены словно изъела оспа,
время грызло их не спеша,
но сияющих красок россыпь
из раскопов глядит,
свежа.
И выходит на волю бодро,
словно вырвались из оков,
и кувшинов крутые бедра,
и пожитки былых веков.
Будто время само таранят,
будто высь их зовет светла —
те узоры
цветных керамик,
драгоценная синь
стекла.
Я осколочек поднимаю,
пролежавший века на дне.
Что-то новое понимаю
в этой сумрачной полутьме.
Как земля вас ни держит крепко—
мы раскрыли вам двери дня!
Я вас вижу
и слышу,
предки,
так послушайте и меня...
Вот
над стенами, над раскопом,
в день, где радостно и светло,
поднимаю я перископом
вами сваренное стекло.
Лето травы из почвы гонит,
мирно дремлет могучий холм.
Но взгляните
на новый город,
пораскинувшийся кругом!
Как он высится знаменито,
как по-новому воссиял,
золотой подковой магнита
облегая Афрасиаб...
Мы красу возродили эту,—
не помог нам
ни шах, ни бог.
Мы воздвигли новую эру
на подножье
былых эпох.
Но глядим мы
и помним крепко,
что вот этой красе земной
положили начало
предки,
здесь лежащие
под землей...

ИСКУССТВО ВРАЧЕВАНИЯ

С. КАЛИНИЧЕВ,
собкор «Огонька»

В Киеве на улице Ленина сохранилось старинное здание Анатомического театра, в котором когда-то занимались студенты-медики университета. В наши дни этот памятник архитектуры стал первым и, пожалуй, главным экспонатом несколько необычного музея. Он возрожден как... театр, в котором идет увлекательный спектакль из истории медицины республики.

В первом же зале вы увидите привычные средства лечения, которыми пользовались наши далекие предки: знакомые каждому ландыш, ромашка, лесной мох. А вот и старинная баня — лечебное заведение Киевской Руси. Закопченные бревенчатые стены, бьется огонь в очаге, сложенном из грубых камней, на полке сидит воин-дружинник, над его раненой ногой склонилась старуха целительница. С глиняным горшком на вздувшемся животе лежит другой больной. Все фигуры выполнены в натуральную величину, с этнографической достоверностью.

За дверью баньки, которую приоткрыл входящий с бадейкой воды мужик,— огород, освещенный полуденным солнцем...

Эффект присутствия не покидает посетителя и потом, когда, путешествуя из эпохи в эпоху, он оказывается где-то под Корсунью и перед ним разворачивается многоплановая панорама одного из сражений казацкого войска Богдана Хмельницкого. Еще кипит бой, устремилась вперед казацкая конница, а вот рядом в овражке, у степного хуторка войсковые хирурги-цирюльники пользуют раненых: останавливают кровь, извлекают из ран осколки и пули, накладывают пластыри.

Если же обернуться — распахнется приднепровская даль, и замаячат на высоком холме звонница и стены монастыря. Шляхом, что ведет туда, тянутся воловьи упряжки с тяжелоранеными. Их везут на лечение в казацкий «шпиталь».

«Господин Георгий с Руси, господ студентов философов и медиков достойнейший лектор» — выдержка из списков лекторов Болонского университета. И портрет Юрия Дрогобыча, первого отечественного доктора медицины...

А каких граждан дала отечеству Киевская академия — «матерь высших школ русских»! Это и Данило Самойлович, бесстрашный борец с чумой, почетный член 12 европейских академий; и ученый, разработавший отечественную медицинскую терминологию, Н. М. Амбодик-Максимович — вот его ставший всемирно известным труд «Искусство повивания, или Наука о бабичьем деле»; это и выдающийся анатом, «русский из Полтавы», как писал он о себе, А. М. Шумлянский; и преподаватель Елисаветградской медико-хирургической школы, блестящий анатом, физиолог и хирург Е. О. Мухин — учитель Н. В. Буяльского и Н. И. Пирогова...

Поэтому, когда открываются створки застекленных дверей и перед вами предстает операционная, какой она была в этих же стенах больше ста лет назад,— вы уже готовы к столь необычной встрече. Оперирует знаменитый хирург, первый декан медицинского факультета В. А. Караваев. Напротив склонился его учитель и наставник, великий русский хирург Н. И. Пирогов. Блестяще выполненные фигуры, полное портретное сходство создают иллюзию сиюминутности напряженной сцены. У Николая Ивановича даже испарина проступила на лбу...

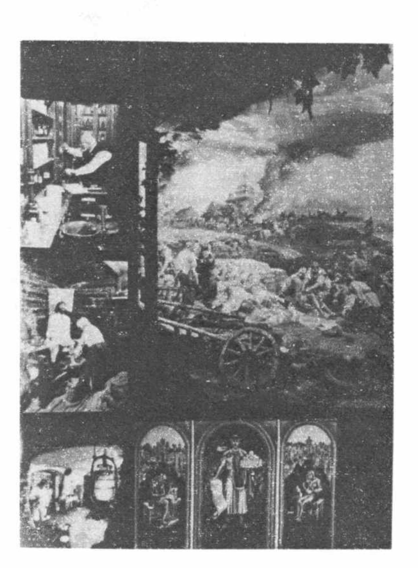
В одном из прикарпатских городков сносили ветхое здание, в котором одну комнату занимала старинная аптека. Узнав об этом, директор музея профессор А. А. Грандо поспешил туда. И вот перед нами полный интерьер старинной аптеки с соответствующим набором сосудов тех времен, весами, ступками, колбами, примитивным кассовым аппаратом. На прилавке лежит подлинная книга заказов, раскрытая на записях 1836 года. Аптекарь достает из шкафа лекарства. Еще миг — и он обернется, возьмет ваш рецепт...

Все фигуры изготовлены не из воска, а из пластических материалов, более искусно имитирующих человеческое тело.

Вот пример. Когда экскурсовод рассказывает о развитии медицины в начале нашего века, глухой выступ стены начинает раздваиваться, и в считанные секунды вы оказываетесь в кабинете одного из основателей киевской терапевтической школы, В. П. Образцова. На кушетке лежит больная, сам Василий Парменович склонился над нею, обследуя брюшную полость. Предложенный им метод глубокой пальпации получил всемирное признание, а вместе со своим учеником Н. Д. Стражеско они впервые в мире описали клинические признаки инфаркта миокарда. История оживает.

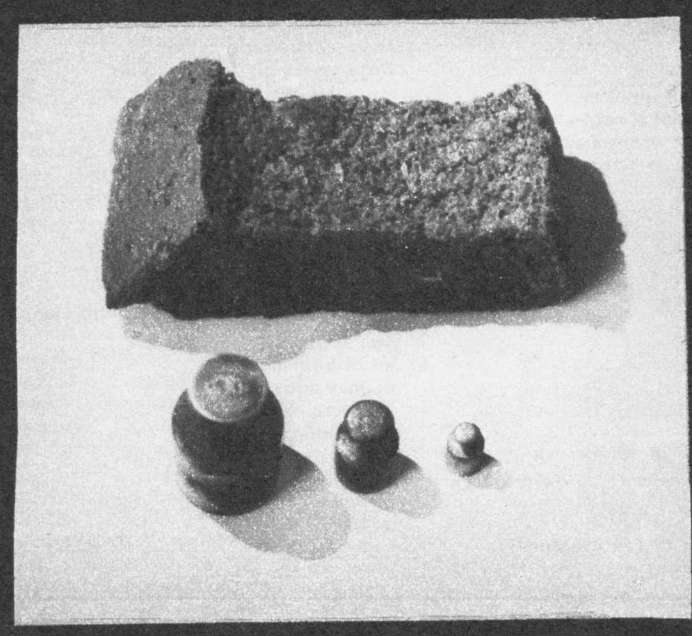
Оригинально выполнена панорама, посвященная подвигу советских медиков в годы Великой Отечественной войны. Стоя на балконе полуразрушенного дома, вы переноситесь в Голосеево, где защитники Киева ведут неравный бой с фашистами. В подвале дома разместился полковой медпункт. Под огнем врага девчонки-медсестры тащат раненых, среди них и Мария Боровиченко, ставшая Героем Советского Союза...

Экскурсия проходит как тонко поставленный спектакль. Это урок высокой нравственности. Мы приобщаемся к высокогуманной, демократической традиции отечественных медиков, к их пониманию врачебного долга как самоотверженного служения Родине, народу.

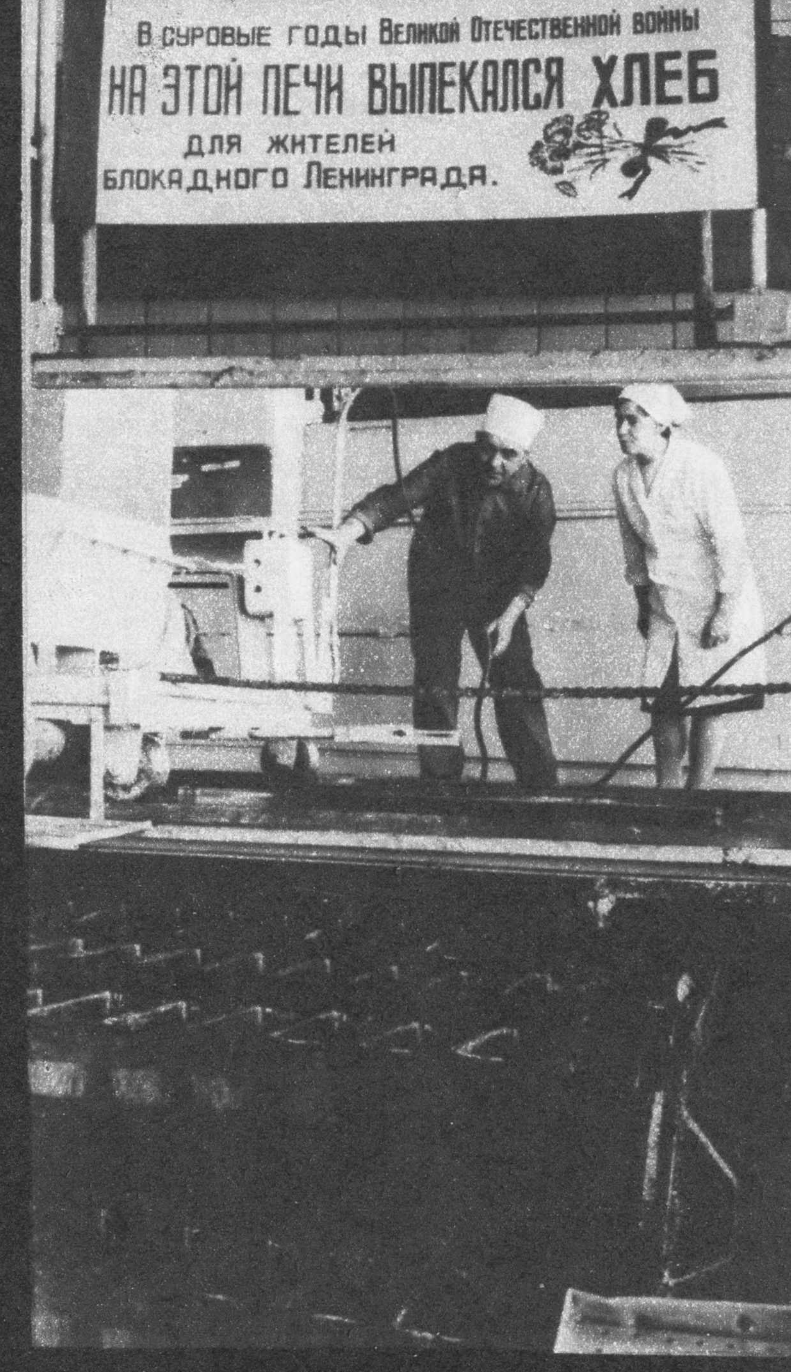

ХЛЕБ ВОЙНЫ, ХЛЕБ ПОБЕДЫ...

40 лет Победы

Сто двадцать пять блокадных граммов...

Здесь пекли блокадный хлеб.

К. БАРЫКИН, фото И. ТУНКЕЛЯ, специальные корреспонденты «Огонька»

Работу они не выбирали. Работу им определила война — поставила у печей. И норму вывела: десять, а чаще — двенадцать часов каждая смена.

— А мука случалась сырая, слежавшаяся. Как с ней управиться, как испечь из нее хлеб?

Мария Дмитриевна Удалова рассказывает неторопливо, часто останавливается. Что-то подступило к горлу, не дает говорить. А так надо все сказать, никого не забыть... И Мария Дмитриевна вспоминает, как в пору ленинградской блокады стояли у печей — на ногах от голода едва держались, как в ведрах носили воду, как принимали из печей буханки хлеба. А уж из чего его пекли! Не мука, видимость одна. И соевый подмес, и овсянка, когда была, в ход шла, и обойная пыль, рисовая лузга, а уж когда находился жмых подсолнечника или конопляный, считали, что повезло. В самую тяжелую пору пошла в ход и целлюлоза. Она хранилась с мирных дней на складах бумажных фабрик, испытали ее, сказали: как добавка допустима.

Хлеб с целлюлозой был пышным, а на вкус — как полынь.

— Не было ничего желаннее, чем такой хлеб,— в разговор вступает Домна Федоровна Густова, тоже пекарь блокадного города.

В ту пору в Ленинграде работали немногие хлебозаводы: не из чего было печь хлеб. Но Кушелевский нес свою вахту, с небольшой остановкой на переналадку, от звонка до звонка все блокадные дни, месяц за месяцем. На заводе работали четыре цеха — хлебный, макаронный и два сухарных; из них шел на фронт — а был он рядом, руку протяни — ржаной солдатский сухарь... (Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1985 года: За заслуги в обеспечении Советской Армии и Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны наградить орденом Отечественной войны I степени Кушелевский хлебозавод, гор. Ленинград.)

У одной из печей «Кушелевки» и стояла Мария Дмитриевна Удалова.

Дело прошлое, но и промолчать о нем нельзя: был случай — остановился в немоте, в беспомощности завод. То ли недосмотрели, то ли еще что случилось, но погасли и печи в хлебном цехе. И вместо 125-граммовых пайков карточки отоваривались мукой. По 80 граммов на день. В горсти больше можно унести.

— Что из этих граммов испечешь? — говорит Удалова.— Да и где?.. Кто-то мучную болтушку готовил, а кто так, сухой мукой и питался.

За те три дня, что бездействовал цех, смертность возросла. Надо было что-то немедленно предпринимать. Приметили неподалеку заброшенный деревянный дом. Все, кто мог держать в руках лом или топор, пришли к нему разбирать на дрова.

Пустили печи, отогрели завод. И снова пошел хлеб.

И вспоминать-то о нем горько, а уж есть... Приготовили для сегодняшней встречи несколько буханок — по той, блокадной рецептуре и технологии. Нарезали аккуратными кусочками — по 125 граммов. Надкусил я пайку, с трудом заставил себя доесть.

— Святой это хлеб! Низкий ему поклон... Хлебу поклон и людям, которые пекли его.— Министр пищевой промышленности СССР Вольдемар Петрович Леин приехал на встречу ветеранов-хлебопеков, ведет ее. Он сам испил военного лиха, не обошли его и пули, после второго, тяжелого ранения долго лежал по госпиталям.

Министр говорит о собравшихся, а здесь не только ленинградцы, вспоминает и тех, кто не смог прийти на эту встречу... Говорит о Герое Социалистического Труда Марии Ивановне Пантюхиной, о партизанском пекаре Галине Васильевне Бантышевой, о Вере Михайловне Гусевой и Зое Ивановне Гулиной, о Владимире Георгиевиче Попандопуло и о Зейтуне Хакимовне Юнисовой (вот она, с орденом Ленина...), об Анне Тарасовне Семеновой, Герое Социалистического Труда, она не смогла прийти, хоть и ждали ее. Совпало — в этот день, в этот час вручали Анне Тарасовне орден Отечественной войны...

Смотрю на пришедших — сверкают ордена и медали.

Женские руки кормили в войну хлебом. И труд их не забыт. Министр вручает знаки высокого профессионального отличия, а к ним именные часы, говорит хорошие, от сердца идущие слова, благодарит за самоотверженный труд, за подвиг...

Перешел на казарменное положение, не спал ночами Н. А. Смирнов, он тогда руководил ленинградским трестом хлебопечения. Не вел счет ночам и дням и Павел Михайлович Плотников, директор центральной лаборатории хлебопечения, видный ученый. Это он и его ближайшие сотрудники создавали рецептуру блокадного хлеба. Скольких они спасли от голодной смерти? Как подсчитать? Невозможно это сделать, а надо бы...

Один из ученых, доцент Лесотехнической академии В. П. Мальчевский, предложил было размалывать желуди, подмешивать их в муку. Испытал такую еду на себе — и тяжело отравился. Это позже выяснилось, что желуди надо тщательно, очень тщательно пережаривать, прежде чем пустить их в хлеб.

Когда кольцо блокады сжалось настолько, что мука перестала поступать, стали искать и другие добавки, которые прежде считались непищевыми. Вот тогда-то профессор В. И. Шарков и посоветовал подмешивать целлюлозу.

Город голодал, город искал еду. «Как из недр его вопли «Хлеба!» До седьмого доходят неба...» — отозвалось на эту боль сердце Анны Ахматовой.

Пусть память людская сохранит имена и пекарей и ученых-хлебопеков.

Николай Антонович Лобода работал механиком хлебозавода. Поставили однажды хлебы, а тут между первой и второй зонами печи, где-то в недрах ее, что-то ухнуло, заскрежетало — остановилась лента. Первая мысль была: «Пропал хлеб!» Печь ведь не отключишь, да если и отключишь, остывать она будет много часов. А через двадцать — тридцать минут буханки начнут обугливаться, и тысячи людей останутся без хлеба, потому что заменить тот, что пошел на выпечку, нечем.

Николай Антонович подошел к печи. Туда, где кладка была потоньше, в один кирпич, подошел, ударил ломом. Раз ударил и второй, пока не пробил дыру. Надел ватник, поверх него — второй. Две пары рукавиц. Шапку-ушанку натянул поглубже, закрывая глаза. И попросил:

— Плесните-ка на меня водицы. Да не жалейте, потом принесу, отдам,— успел и пошутить.

И шагнул — в пекло! В 250-градусный жар... Выполз из печи, припал к ведру с водой. Остаток вылил на себя. И снова пошел в огонь. С первой попытки Лобода не смог разомкнуть, расцепить формы, но сейчас это сделать удалось. Под освободился от смявшихся, сгрудившихся форм, расклинился...

Н. А. Лобода работал рядом с многими из тех, кто сейчас собрался в этом зале. Вспоминают ветераны, слезы на глазах.

— Да, работу мы не выбирали. Какой там выбор... Закончила я десять классов, а тут война. Бобруйск заняли фашисты, но люди не сдавались. За связь с партизанами оккупанты убили мою маму, отца расстреляли. В сорок третьем арестовали и меня.

Но концлагерь, куда попала Галя Бантышева, гитлеровцы эвакуировали, и ей удалось бежать. Дорогу к партизанам она уже знала. Оказалась в отряде «Комсомол».

— Раненых перевязывала, бинты стирала, в бой ходила. Но мне надо было еще и хлеб выпекать — пригодилась мамина наука. В отряде пекарни не было, мы шли в деревню, куда фашисты заглянуть боялись, искали там избы с русскими печами, в них и пекли партизанский хлеб. А потом и в одной из партизанских изб сложили печь. Истопила я ее однажды, испекла хлебы, а тут стрельба. Враг прочесывал лес, в глубь его немцы заходить боялись, но на нас все же вышли. Бой мы решили не принимать, командир скомандовал отход. Перебрались через речушку, и тут я вспомнила о хлебе. Вскочила — и к хате. Слышу голос командира: «Назад, застрелю!» Что уж он в тот момент подумал, не знаю. Но поняла — не шутит. Обернулась, кричу ему: «Не стреляй покудова. Там хлеб остался...» Вскочила в избу, хлеб в охапку и к своим... Тут вернулись с операции основные силы отряда и фашисты убрались, как будто их и не было. Собрались все мы в избе, пообедали, хлеб оказался кстати.

...Разным он был, хлеб войны. Но всегда и всюду был желанным, как никакая другая еда.

Герой Социалистического Труда А. Т. Семенова с учениками.

Редакция журнала «Огонек» благодарит Министерство пищевой промышленности СССР, ленинградские областные и городские организации, Всесоюзный научно-исследовательский институт хлебопекарной промышленности, ленинградское Главное управление хлебопекарной промышленности за организацию и проведение встречи хлебопеков военных лет.

Фото В. ПЧЕЛКИНА

«Анюта». Е. Максимова и В. Васильев.

Галина БЕЛЯЕВА-ЧЕЛОМБИТЬКО

Фото Е. ФЕТИСОВОЙ

ПОБЕДНЫЙ

«Фрагменты одной биографии».

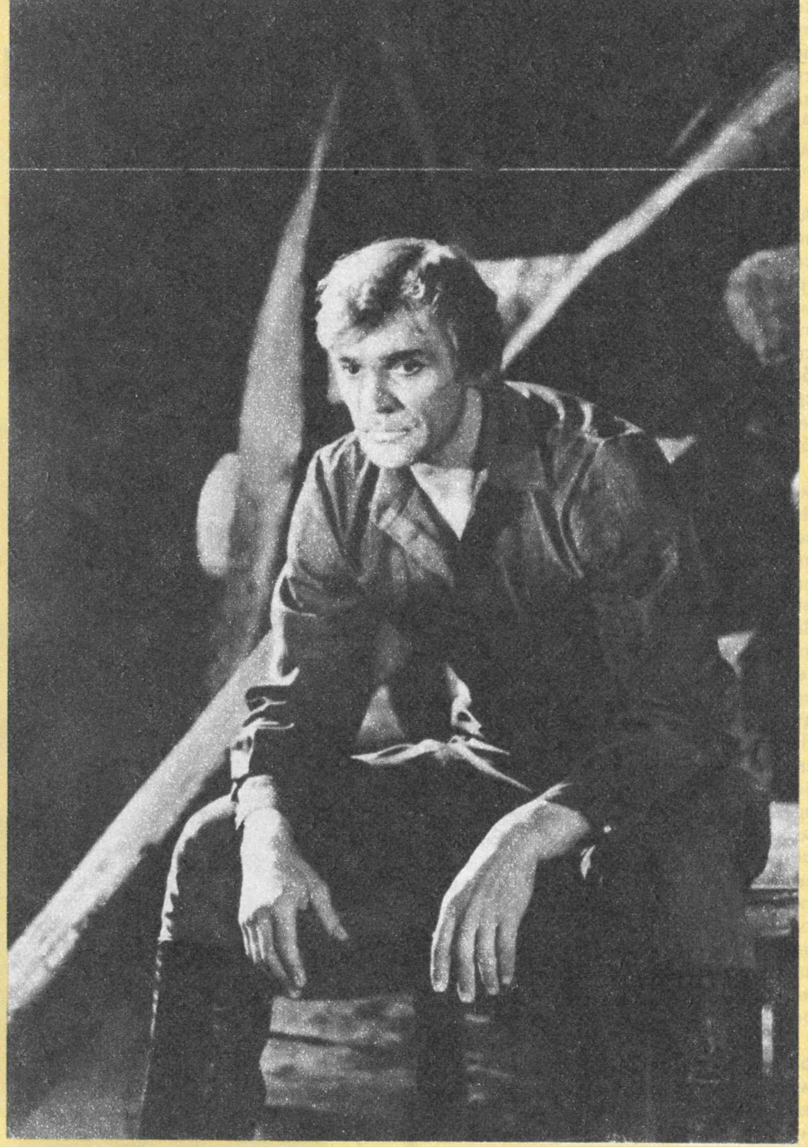
Есть имена в искусстве, которые, утверждая каждый раз себя в своей неповторимости, воплощают смысл и символ его прогресса. Одно из таких имен в искусстве балета — Владимир Васильев.

Народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР, премии Ленинского комсомола, единственный обладатель Гран при за всю двадцатилетнюю историю старейшего в Европе международного конкурса балета в Варне, лауреат премии Вацлава Нижинского, учрежденной Парижской Академией танца...

Этого прославленного мастера критики назвали «танцовщиком века». Артист создал галерею самых разнообразных ролей в спектаклях Большого театра. Будь то русские национальные персонажи — Данила из «Каменного цветка» и Иванушка из «Конька-горбунка» — или романтические герои «Спящей красавицы», «Жизели», «Дон Кихота», «Щелкунчика», будь то исторические образы Спартака, Ивана Грозного, Макбета либо легендарные Икар и Меджнун, в любой партии Владимир Васильев предстает как виртуоз классического танца и блистательный актер широчайшего диапазона. Ему было суждено воплотить на определенном этапе завоевания русской советской школы танца, чтобы она сделала новый рывок в развитии балетного исполнительства. Вот почему именно Васильеву старейшина советской хореографии Федор Лопухов передал в одной из своих статей символическое звание «бога танца» от выдающихся предшественников Вахтанга Чабукиани и Алексея Ермолаева.

Сегодня исполнитель и постановщик неразделимы в личности Васильева. Ведь он приступил к сочинению балетов на взлете исполнительской деятельности, будто решив доказать в них безграничность технических возможностей танцовщика. Таковы обе его редакции спектакля «Икар» на музыку С. Слонимского, где сам Васильев в роли Икара воплощал полет своего героя в небывалых по сложности комбинациях. Но художник-реалист всегда рассматривает форму как плоть идеи. И в «Икаре», и в следующем балете — «Макбет» К. Молчанова, поставленном на сцене ГАБТа и других сценах, он создает в заглавных партиях философски глубокие образы с помощью отточенной хореографической режиссуры.

Все работы Васильева-балетмейстера удивительно разные по тематике, жанрам, образному строю. В «Макбете» он целеустремленно продолжает традиции советской хореодрамы 30—50-х годов, выявляя трагический гуманизм Шекспира. В сочинении «Эти чарующие звуки» на музыку Корелли, Торелли, Рамо, Моцарта он

«Дом у дороги».

ищет расширения пластической палитры классики.

Последние годы принесли Васильеву несколько балетмейстерских побед — присуждение Государственной премии РСФСР телевизионному фильму-балету «Анюта», успех в Москве и Ленинграде новых одноактных постановок, а потом триумфальные гастроли с ними по странам Европы и Латинской Америки, наконец, фильм-балет «Дом у дороги», посвященный 40-летию Великой Победы.

Одноактный балет «Я хочу танцевать» на музыку русских композиторов XIX века приближен к жанру класс-концерта. Его герой — классический танец, и балетмейстер раскрывает перед нами неисчерпаемость его оттенков, великолепие рисунка. Это изысканная танцевальная фреска, где нет нагнетания виртуозности, а есть пастельная эскизность движения.

И тут же второй балет концертной программы на музыку аргентинских композиторов. Он назван «Фрагменты одной биографии». В нем — судьба Художника, Поэта, Творца. Произведение отличается остротой, смелой контрастностью красок, богатством пластических находок. Васильев щедрой россыпью вкрапливает эти блестки в ткань композиции; он обращается в ней к мотивам латиноамериканского фольклора, к ритмам танго, воссоединяя их с классической лексикой. В спектакле царит образ танго, всякий раз нового по настроению.

Партию главного героя исполняет Васильев. В его танце — исповедь человека о поиске истины, о мучительном обретении счастья в творчестве и любви. В четырех парах персонажей, у каждой из которых оригинальная образная характеристика, мы видим то двойников и антиподов героя, то выразителей его эмоций.

Главная женская партия Екатерины Максимовой также многозначна. Здесь и греза о прекрасном и само олицетворение страстной любви. В героине Максимовой автор-поэт словно одушевляет собственные переживания. Множество нюансов пластики находят артисты в незабываемом адажио на музыку песни аргентинской певицы Валерии Мунарис.

Эмоциональная кульминация балета — танго Владимира Васильева. Это поистине сгусток сдержан-

МИГ ТАНЦА

ной, гордой воли танца. Становится понятным тот восторженный прием, который оказала, в частности, аргентинская публика постановкам Васильева. Пресса писала, что театр «Колон» в Буэнос-Айресе не видел такой бури оваций за всю семидесятипятилетнюю историю существования.

В содружестве с режиссером Александром Белинским и композитором Валерием Гаврилиным созданы Васильевым на Ленинградском телевидении его фильмы-балеты. Эти работы показали, что Васильев прекрасно чувствует специфику кинематографа, с наибольшей полнотой раскрывая его средствами качество хореографического материала, как бы приближая его к зрителю.

Фильм-балет «Анюта» снят по мотивам рассказа «Анна на шее» Чехова. Тут нет попытки пересказать литературный шедевр. Важнее то, что постановщику удалось передать чеховские обобщения интонаций жизни, его стилистику. Васильев развивает одну из исконных традиций русского балетного театра, которая заключается в опоре на художественную индивидуальность актера-танцовщика. Логичность и динамика пластической партитуры «Анюты» в немалой степени достигнуты благодаря превосходному пониманию возможностей исполнителей. Екатерина Максимова в роли Анны поведала танцем о затаенной чеховской грусти по загубленной женской судьбе. Она прожила на экране целую жизнь, перевоплощаясь из юной лукавой мечтательницы в бездумно-циничную героиню губернского бала.

После Чехова — Твардовский, фильм-балет «Дом у дороги» по мотивам лирических произведений поэта. «Языком хореографии мы попытались рассказать о простых тружениках, о красоте их помыслов, о нежной любви друг к другу. Но ворвалась война... Для деревенского парня, вернувшегося с фронта и увидевшего свой обгоревший, разрушенный дом,— это больше чем несчастье, это — крушение надежд. Ведь для сельского жителя дом не только жилище; с ним связано понятие Родины, кормилицы-земли, семейного очага, покоя, уюта» — так объяснял Васильев одну из идей балета, подчеркивая, что «творчество Александра Твардовского обязывало сказать о войне так же трепетно, с той же душевной болью и страстностью, как умел это делать поэт». И хореографу вместе с его единомышленниками это вполне удалось. Их танцевальное полотно пронизано пафосом подвига и мягкой теплотой. Просто, но очень искренне, значительно в нем говорится о сокровенном — о пережитой трагедии и Великой Победе духа народного.

В «Доме у дороги» Васильев (и как постановщик, и как главный исполнитель) поразительно ярок в национальном русском самовыражении. С какой радостью погружается прославленный премьер классического балета в стихию народной пляски! С таким же азартом и проникновенностью танцует партию главной героини народная артистка СССР Ирина Колпакова.

В знаменитых классических полетах-прыжках Васильева рапидная съемка запечатлела монументальность мига движения, его победную экспрессию. Таков Владимир Васильев в своем творчестве хореографа и танцовщика.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО РОМЕНА РОЛЛАНА

Фотография Ромена Роллана с началом письма А. Бушу.

Летом 1935 года, во время пребывания Ромена Роллана в Москве, Артур Яковлевич Буш (1903—1941), в прошлом латышский красный стрелок и участник боев под Перекопом в 1920 году, человек высоких идеалов, направил письмо Ромену Роллану, произведения которого он необыкновенно ценил. Судя по уцелевшим дневниковым записям Артура Буша, в его письме речь шла о душе и сердце человечества, о великой гармонии ума и сердца Роллана. Далее Артур Буш писал о страданиях и радостях человека и человечества, об интернационализме.

В заключение своего письма Артур Буш предлагал Ромену Роллану остаться в Советском Союзе. В ответ А. Буш получил письмо Роллана. Письмо написано на фотографии писателя.

«Дорогой товарищ Артур Буш, Ваше пылкое письмо меня очень тронуло, и я сердечно Вам за него благодарен. Я не могу остаться с Вами, потому что также имею свой долг и свои привязанности на Западе. Но Вы и все Ваши в СССР являетесь наиболее любимыми среди моих молодых братьев. Мысленно я Вас никогда не покину. И до последнего дня я буду сражаться вместе с Вами и для Вас.

Преданный Вам
Ромен Роллан.
Москва, 5 июля 1935 года».

Письмо Роллана Артуру Бушу публикуется впервые.

Публикация дочерей А. Буша — Э. А. Буш и М. А. Буш (Лукояновой).

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

СУДЬБА АРБАТСКИХ ОСОБНЯКОВ

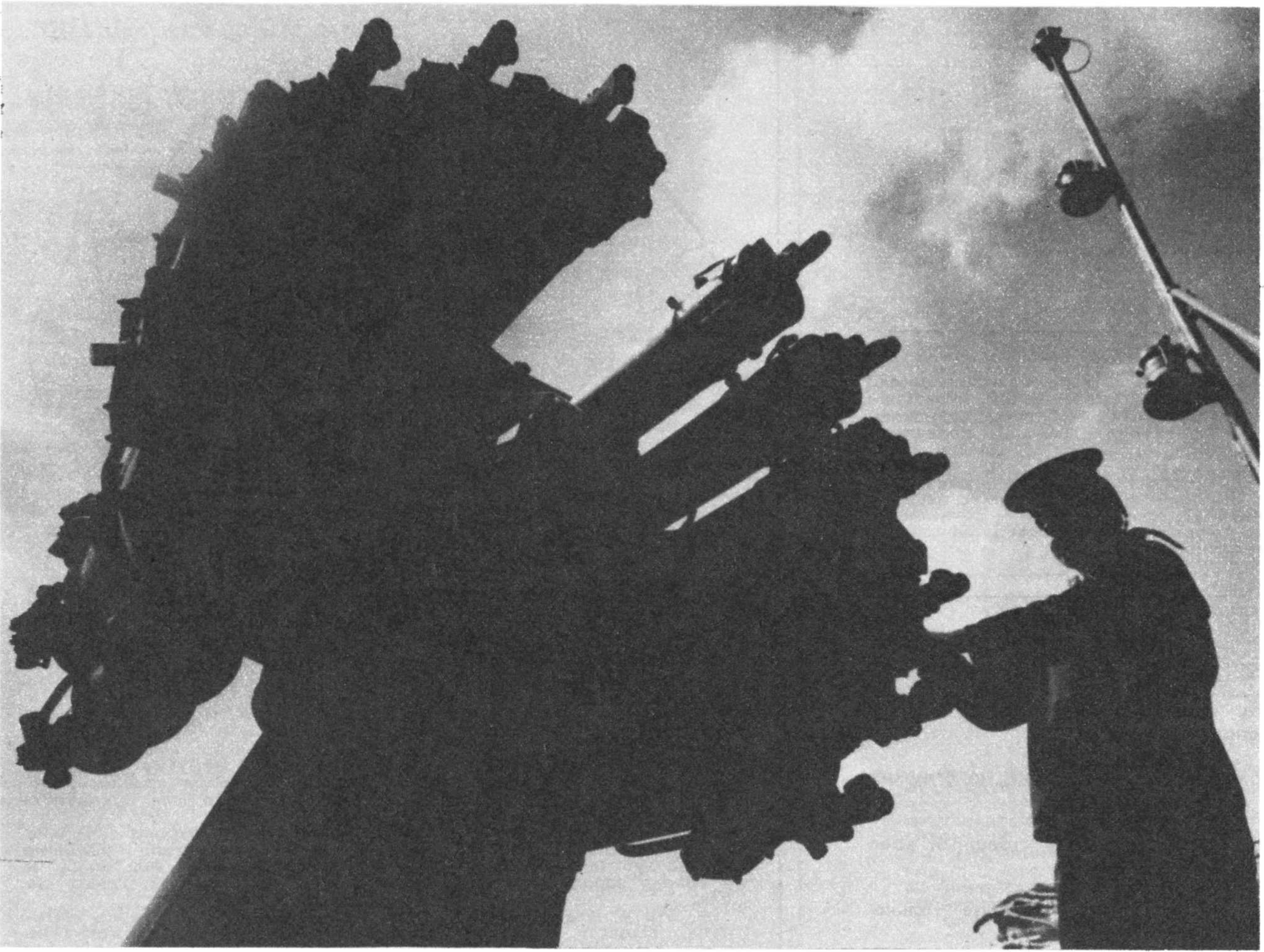
О судьбе особняков на улице Мясковского, связанных с жизнью замечательных представителей нашей культуры и приговоренных к сносу, говорилось в № 51 журнала «Огонек» 1984 года. Опубликованный материал вызвал широкий отклик читателей. Часть писем, поступивших от официальных организаций и наших читателей, была напечатана в статье «Решать не откладывая!» («Огонек» № 11 за этот год). «Сломать легко, восстановить чаще всего невозможно» — такими словами из одного из писем можно обобщить реакцию читателей.

И вот редакция получила официальный ответ за подписью заместителя начальника Главного архитектурно-планировочного управления г. Москвы О. А. Заленского. Он сообщает:

«ГлавАПУ внимательно проанализировало вопросы, поднятые в статье «Решать не откладывая!» В. Потресовым. Для оперативного решения вопросов сохранения исторических зданий и строительства логопедического детского сада в ГлавАПУ проведено совещание с участием представителей райисполкома Ленинского района, заказчика, Управления государственного контроля, охраны и использования памятников истории и культуры, а также авторского коллектива, проектирующего детский сад, на котором дано указание на разработку нового варианта размещения детского сада с безусловным сохранением строений № 1 и № 2 во владении № 12 по улице Мясковского.

Для удовлетворения требований ГорСЭС по соблюдению нормативных разрывов между транспортными проездами и зданием детского учреждения предложено также проработать вариант с закрытием сквозного проезда транспорта по данному участку улицы Мясковского и параллельной ей улицы Фурманова».

Итак, суровый приговор памятным домам отменен. Но судьба их должна быть передана в надежные руки, бережно относящиеся к памятникам отечественной культуры.

Вооружение корабля всегда в боевой готовности.

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

На шестьдесят семь тысяч километров протянулись границы Советского Союза, немалую долю их составляют морские. Охрана водных рубежей Родины — дело особенно сложное: ведь здесь нет контрольно-следовой полосы. А если вспомнить, что без штормов, тайфунов, туманов и ураганов море не море, то нетрудно представить, в каких условиях несут свою вахту моряки-пограничники.

Южное море, по крайней мере в прогулочно-пляжном варианте, известно многим, а вот о том, что происходит за линией горизонта, в двенадцати милях от берега, знают далеко не все. Между тем в этих водах постоянно находятся сотни иностранных судов, в том числе и не под дружественными флагами. О том, что иногда от таких «гостей» и «туристов» можно ждать чего угодно, видно хотя бы из такого случая.

...Пограничный сторожевой корабль шел в район несения службы. Вскоре вахтенный наблюдатель старший матрос А. Ефремов заметил, что один из советских сейнеров, ведущий промысел рыбы, подает сигналы, которые означают просьбу подойти поближе. Оказалось, что рыбаки видели в наших территориальных водах неизвестную яхту. Сторожевик полным ходом направился в этот район. С помощью самолета пограничники обнаружили и задержали иностранную яхту с пассажиром на борту, имевшим задание западных спецслужб проникнуть на территорию Советского Союза с разведывательными целями.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото И. ГАВРИЛОВА

ПОД ЗЕЛЕНЫМ ВЫМПЕЛОМ

Сигнальщик старшина II статьи В. Тихонов.

Моряки-пограничники имеют все необходимое для успешного выполнения своих задач: быстроходные корабли и катера, современные средства навигации. Только из истории узнаешь, что более шестидесяти лет назад здесь охрану границы осуществляли несколько рыбацких шхун и стареньких сторожевых катеров. Потом у пограничников появились морские охотники. Морскую пограничную базу ОГПУ в этом регионе возглавил известный герой гражданской войны В. А. Кукель-Краевский — командир легендарного эсминца «Керчь», который, выполняя личный приказ В. И. Ленина, затопил в Цемесской бухте корабли Черноморской эскадры, а потом поднял флажный сигнал «Погибаю, но не сдаюсь» и открыл кингстоны.

В. А. Кукель-Краевский обучил и воспитал немало прекрасных моряков и стойких чекистов. Именно они уже 22 июня 1941 года в районе Новой Килии первыми на Черном море нанесли по врагу ответный удар. Мужественно и стойко сражались моряки-пограничники все четыре года войны, а имена Героев Советского Союза Павла Державина, Ивана Голубца, Григория Куропятникова золотыми буквами вписаны в летопись погранвойск СССР.

Сегодня их славные боевые традиции продолжают сыновья и внуки. И можно быть уверенными: там, где в море корабль под зеленым вымпелом, лазутчику не пройти!

в мире мудрых мыслей

«МАКСИМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ» ГЕТЕ

Почти сорок шесть лет Гете писал свои «Максимы и размышления». В них насчитывается 1356 отдельных кратких высказываний, отражающих взгляды автора на социальные и моральные проблемы, волновавшие его современников. Они отличаются глубиной мысли, правдивостью, а также филигранной отделкой стиля.

«Максимы и размышления» Гете представляют собой монументальный литературный памятник. Наши читатели знакомы лишь с небольшой их частью, вошедшей в его тринадцатитомное собрание сочинений.

Сегодня мы публикуем избранные мысли великого мастера афористики. Часть их печатается на русском языке впервые.

Искусство — посредник невыразимого.

Во всяком произведении искусства, великом или малом, вплоть до самого малого, все сводится к концепции.

Выдающийся художник часто не может судить ни о своих, ни о чужих произведениях.

Техника в соединении с дурным вкусом — это самый страшный враг искусства.

Сцена и зрительный зал, актеры и зрители создают целое только в совокупности.

Красота везде весьма желанный гость.

Искать славы нельзя, и всякая погоня за нею тщетна.

Оригинальнейшие писатели новейшего времени оригинальны не потому, что они преподносят нам что-то новое, а потому, что они умеют говорить о вещах так, как будто это никогда не было сказано раньше.

Каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле...

Быть человеком — значит быть борцом.

Только опыт нас учит ценить блага жизни.

Наши страсти подобны фениксу. Когда сгорает одна страсть, из пепла рождается другая.

Самая превосходная женщина — та, которая может заменить детям отца.

Кого хвалишь, к тому приравниваешься.

Порядок учит сберегать время.

Истинные единомышленники не могут надолго рассориться; когда-либо они снова сойдутся.

Неблагодарность — это всегда вид слабости. Я никогда не видел, чтобы люди, сильные духом, были неблагодарными.

Очень трудно избежать двух вещей: тупоумия, если замкнуться в своей специальности, и неосновательности, если выйти за ее пределы.

Природа — единственная книга, каждая страница которой полна глубокого содержания.

Среди всех воров дураки наихудшие: они отнимают у нас и время и настроение.

Из двух ссорящихся виноват тот, кто умнее.

Страшен тот, кому нечего терять.

Характер, в свою очередь, создает характер.

Мы охотнее признаем свои ошибки в поведении, чем в мышлении.

Кто не знает иностранных языков, тот ничего не знает о своем собственном.

Собрал А. **ФЮРСТЕНБЕРГ**

ЛЕЧИТЕСЬ САМИ

ЮМОРЕСКА

У меня заболел зуб. Жена задумчиво на меня посмотрела, потом удалилась на кухню и явилась со стаканом, в котором была мутная жидкость.

— Будешь полоскать зуб...— сказала она, протягивая стакан мне.

— Что это? — знаком спросил я.

— Сок репки, — объяснила жена.— Помогает. Особенно детям.

Возражать я не мог. Пришлось безропотно идти в ванную и проделать всю процедуру. Но зуб не прошел. Зато еще и голова заболела, и сон пропал.

— Это у него от плохого обмена веществ,— сказала моя мама.— Нужно сделать ему салат из крапивы. Заодно и похудеет. Говорят, крапива — недурное средство для похудания.

И она пошла во двор рвать мне крапиву.

К счастью, она вернулась ни с чем. Но зато неизвестно каким образом о моей болезни узнала ее подруга. Она позвонила и затрещала что-то о знакомом знахаре, который вот точно такую же бессонницу, как у меня, лечил овсом.

— Нужно сделать сок из свежего зеленого овса,— диктовала она, уверенная, что я записываю.— Потом пить его маленькими глотками спозаранок. А потом сделать несколько кругов по лесу.

— Галопом или как? — хотел язвительно спросить я, но только прохрипел что-то невразумительное.

— Нужен мусс из свежего шиповника, — многозначительно произнесла соседка, забежавшая на минутку к нам и, как мне раньше казалось, относившаяся ко мне с сочувствием.

— Ягоды созреют только осенью,— произнесла похожие на пароль слова моя жена, и они обе замолчали, глядя на меня с жалостью.

— А если попробовать мать-и-мачеху? — прервала молчание соседка.

— Нет, уж лучше приложим к щеке горячий компресс из полыни,— возразила моя жена.

— Все! Хватит! — закричал я.— Я иду к зубному врачу.

И сорвал с себя повязку.

Когда я вернулся от зубного врача измученный, но счастливый, жена сказала:

— Ты извини меня за этот спектакль. Но как иначе мы могли бы заставить тебя пойти к зубному врачу?

И нежно погладила меня по голове...

Светлана **ВОЗЛИНСКАЯ**

ПОСЛОВИЦЕЙ — ПО ПЬЯНСТВУ

Вино топит больше людей, чем вода. (Английская.)

У пьяницы язык дурака и сердце негодяя. (Английская.)

Если двое говорят, что ты пьян,— ложись спать. (Ассирийская.)

Поздоровавшись с водкой, попрощайся с умом. (Грузинская.)

Когда появляется вино, удаляется мудрость. (Китайская.)

Вино ремеслу не товарищ. (Русская.)

Не быть бы пьяну, не было б и сраму. (Русская.)

Пьяного дело — трезвого ответ. (Русская.)

То не спасенье, что пьян в воскресенье. (Русская.)

От пьяного и сумасшедший убегает. (Турецкая.)

Вино начинается церемонией, а кончается дракой. (Японская.)

Собрал Н. **ДНЕПРОВ**

СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Голубая, с каемочкой...

— Ну-ка, Маша, погляди, что я достал! — торжествующе воскликнул Сергей Петрович Гайдуков, бочком протискиваясь в дверь собственной квартиры.

На голове Сергей Петрович с трудом удерживал здоровенную каменную глыбу. В этот миг он напоминал мужественного защитника средневековой крепости.

— Ты... ты это что?..— в замешательстве пробормотала супруга, на всякий случай загораживаясь сковородкой.— Не балуй, тебе говорят...

— Ага, произвело впечатление! — торжествующе улыбнулся Гайдуков и осторожно опустил на пол свою вызывающе мужественную ношу.— Теперь все знакомые от зависти лопнут! А в особенности Огурцовы. А то, подумаешь, достали какой-то там древнеегипетский папирус и задаются! Теперь мы им живо нос утрем. Ты знаешь, чего я притащил?

Он достал из кармана бумажку и с выражением прочитал:

— Пет-ро-гли-фы!

— Чего-чего? — недоверчиво переспросила супруга, не выпуская из рук сковородки.— Петро... чего?..

— Петро-глифы, — произнес назидательно Сергей Петрович.— Наскальные рисунки первобытного человека, ну и там письмена всякие... Знаешь, как добыть было трудно...

— А почем ты знаешь, что это первобытный человек писал? — немного успокоившись, полюбопытствовала Мария Владимировна.— Может, хулиган какой баловался?

— Фирма веников не вяжет! — важно возразил Гайдуков.— Эту штуку мне надежные люди приволокли. Говорю же тебе: петроглифы, значит, так оно и есть!

— Ну ты даешь! — восхищенно покачала головой супруга.— Этих петроглифов не только у Огурцовых, а даже, небось, у Леухиных нету...

— Факт, нету! — хмыкнул Сергей Петрович.— Откуда же им взять? У них таких каналов не имеется, как у меня... Так куда мы эту штуковину поставим, чтоб она смотрелась пошикарней?

— Может, на прялку четырнадцатого века? — предложила жена.— Тоже вещь старинная, хотя и не такая.

— А я думаю, лучше ее на кровать Людовика Сто Шестнадцатого положить,— задумчиво потер лоб Гайдуков.— Там ей просторней будет. К тому же эту кровать трудней раздавить, чем прялку.

— На кровать бы, конечно, хорошо. У меня и покрывало есть подходящее — упадешь и не встанешь! Да только сами-то где спать будем?

— На полу поспим, не баре! Главное, вещица уникальная. Теперь уж никто не скажет, что у него есть что-то такое, чего нету у Гайдуковых! А? Ведь не скажет?!

— Теперь не скажет! — самодовольно улыбнулась Мария Владимировна.— Теперь у Гайдуковых все есть!..

Она промолчала, будто что-то вспоминая, и вдруг на лицо ее легла тень.

— Вот только разве что...

— Что такое?— встрепенулся муж.— Чего еще не хватает?! Вспомнила чего? Говори, не тяни!

— Да тут вот...— замялась супруга.— Мне вчера Жанна с третьего этажа по секрету сказала, будто она от Жуковых из первого подъезда слышала...

— Ну-ну! — нервно поторопил Сергей Петрович.— Чего слышала-то?

— Ну, вроде бы они меж собой говорили, что вот, мол, все у Гайдуковых есть, только совести нету...

— Чего нету? — не понял хозяин.

— Совести...

— Это еще что за штука такая? — поднял брови Гайдуков.

— А я почем знаю! — пожала плечами Мария Владимировна.— Что слыхала, то и говорю...

— Да где ж ее взять, когда ты, растяпа, даже не узнала, что это такое! Ну, ладно, завтра буду думать. Есть у меня кое-какие соображения...

Однако достать совесть оказалось делом чрезвычайно трудным. Гайдуков пустил в ход все свои связи. Он устроил в консерваторию дочку директора комиссионного магазина, а сына директора консерватории продавцом в мясной магазин. Директору рынка он через базу «Скорой помощи» достал «Москвича», а брата заведующего базой самого сделал москвичом, устроив его по лимиту дворником на полставки. Он совершил чудеса изобретательности, но все было тщетно. Тогда Сергей Петрович махнул рукой на приличия и заявился в гости к самому ловкому человеку в городе. На счастье, самый ловкий человек оказался дома, так как за три дня до этого дал следственным органам подписку о невыезде. Он принял Гайдукова как родного. Они сидели за столом до позднего вечера, пили чай и говорили о жизни.

Сергей Петрович явился домой за полночь, просветленный и успокоенный. Жена встретила его на пороге. В глазах ее застыли ожидание и надежда.

— Ну, достал совесть? — нетерпеливо выдохнула она.

Муж снисходительно окинул ее взглядом, покровительственно улыбнулся и потрепал по щеке.

— Глупенькая, над тобой просто посмеялись! Такого товара не бывает. Это я тебе абсолютно точно говорю...

И, глядя на недоумевающее лицо супруги, авторитетно добавил:

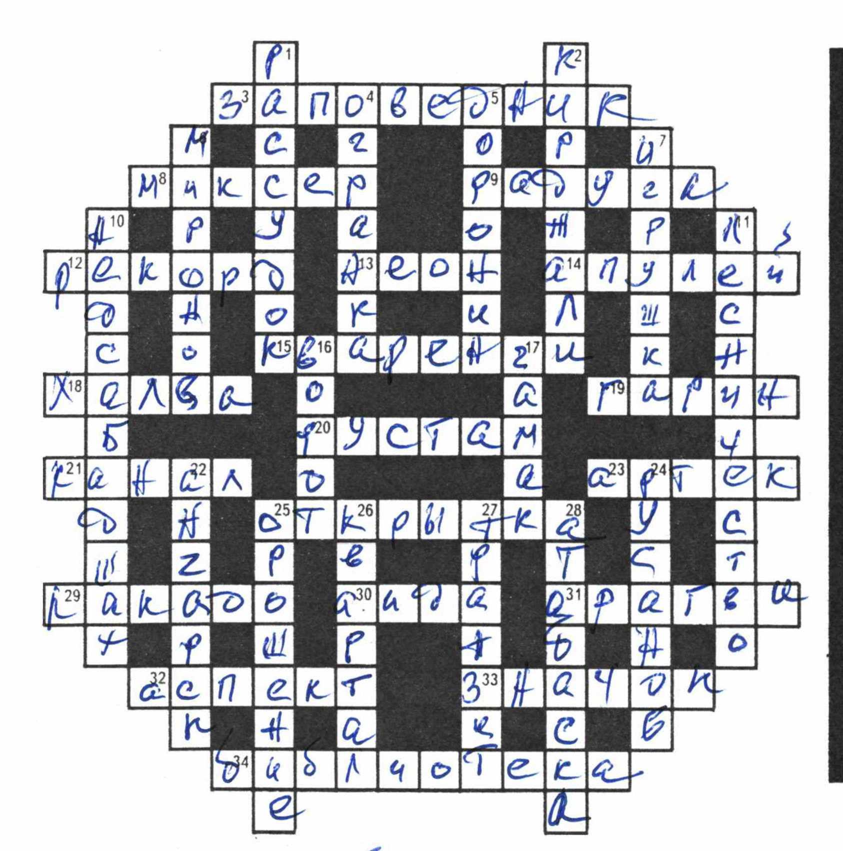
— Будь уверена, у меня сведения из самых надежных источников...

Мария Владимировна облегченно вздохнула и принялась деловито располагаться на ночлег под прялкой четырнадцатого века.

В эту ночь впервые за последний месяц Гайдуковы уснули спокойно.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Участок территории, где сохраняются редкие растения, животные. 8. Прибор для смешивания, сбивания кремов, коктейлей. 9. Советский искусственный спутник Земли для ретрансляции телевизионных программ. 12. Высшее достижение в спорте. 13. Инертный газ. 14. Древнеримский писатель. 15. Архитектор, создавший здание Смольного института. 18. Кондитерское изделие. 19. Актер, режиссер, народный артист СССР. 20. Герой поэмы А. Фирдоуси «Шахнаме». 21. Искусственное русло. 23. Всесоюзный пионерский лагерь в Крыму. 25. Почтовая карточка. 29. Попугай. 30. Опера Д. Верди. 31. Приток Куры. 32. Точка зрения. 33. Условная пометка. 34. Книгохранилище.

По вертикали: 1. Способность логически мыслить. 2. Повесть А. С. Пушкина. 4. Обработка ювелирного камня. 5. Летчик, один из первых Героев Советского Союза. 6. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 7. Предмет детской забавы. 10. Венгерская ежедневная газета. 11. Хозяйственная единица на территории, поросшей древесной растительностью. 16. Простейшая грузоподъемная машина. 17. Подвесная сетка для отдыха. 22. Город в Иркутской области. 24. Русский полярный исследователь. 25. Вид мелиорации. 26. Четверть года. 27. Перевозка пассажиров и грузов через промежуточные пункты. 28. Озеро в Канаде.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 5. Кижеватов. 10. Кодори. 11. Свиток. 12. Николаи. 14. Пилот. 16. Аллея. 19. Север. 20. Рапорт. 21. Юнатан. 22. Арнем. 23. Вафля. 25. Стриж. 27. Домкрат. 31. Пинега. 32. Ацетон. 33. Чистополь.

По вертикали: 1. Зинин. 2. Ленок. 3. Камал. 4. Росси. 6. Полимеризация. 7. Коло. 8. Цикл. 9. Победоносиков. 13. Одуванчик. 15. Таможня. 16. Антарес. 17. Астат. 18. Трюмо. 24. «Лжец». 26. Трек. 27. Дания. 28. Масть. 29. Рампа. 30. Табло.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Радость.
Фотоэтюд Н. СВИРИДОВОЙ и Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Такие провинциальные аптеки были типичны для дореволюционной России * Одним из распространенных приемов народной медицины было лечение в бане * Перевязочная полкового медицинского пункта — фрагмент диорамного комплекса, посвященного обороне Киева * Фрагмент диорамы «Медицинская помощь в войсках Богдана Хмельницкого» (народный художник УССР М. И. Хмелько) * Фрагмент экспозиции музея. (См. в номере материал «Искусство врачевания».)
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

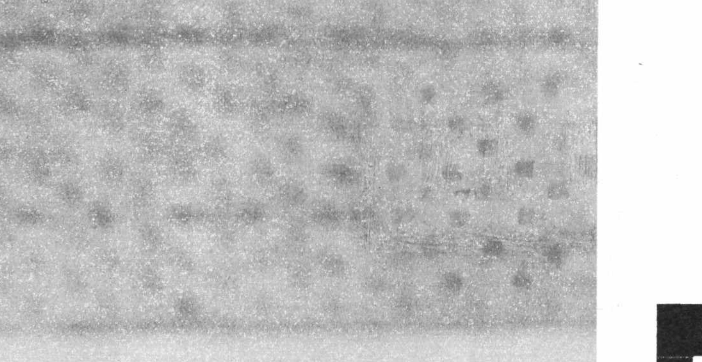
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 13.05.85. Подписано к печати 28.05.85. А 04582. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1563. Заказ № 655.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

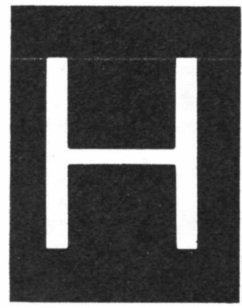
ВОРОБУШ

Олимпийский резерв.

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА

Неофициально их называют воробушками, а если по всей форме, то олимпийским резервом. И смешного здесь нет ничего: эти пятилетние девчушки — ученицы специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва «Динамо». И для того, чтобы доказать, что мы не шутим ни на капельку, достаточно привести лишь два факта: в тот день, когда мы встретились с героинями нашего репортажа, на чемпионате СССР абсолютной чемпионкой стала пятнадцатилетняя киевская школьница Оксана Омельянчик, которая впервые в спортивный зал вошла, как только ей исполнилось шесть лет, а абсолютное первенство Европы вскоре завоевала ее ровесница ленинградская школьница Елена Шушунова.

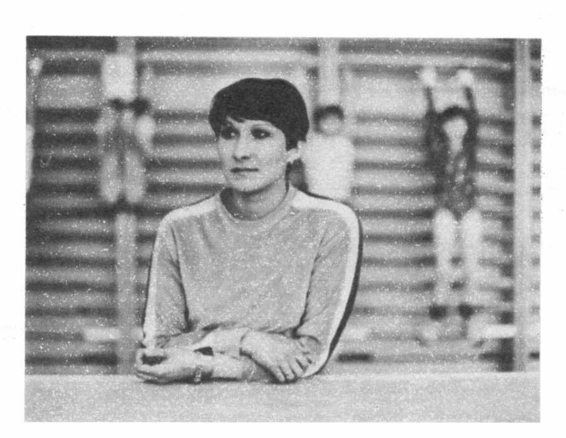
И вот, наблюдая за веселой суетой невесомых и неутомимых, как воробушки, девочек, мы спросили старшего тренера самой младшей группы динамовской школы Елену Дмитриевну Логинову (Тяжелову), в свое время выступавшую в составе сборной страны вместе с такими гимнастками, как Софья Муратова, Лариса Латынина, Лидия Иванова, когда она сама впервые подошла к снарядам. Оказывается, в четырнадцать лет, почти в ту самую пору, когда Оксана Омельянчик уже стала одной из сильнейших гимнасток страны, а другая гимнастка, воспитанница динамовской школы, еще недавно такой же воробушек, как те, за которыми мы наблюдали,— Ольга Мостепанова завоевала пять золотых медалей на соревнованиях «Дружба-84», уже получила звание заслуженного мастера спорта, а недавно и правительственную награду — орден «Знак Почета».

За последнее двадцатилетие женская гимнастика помолодела на восемь-девять лет, и, как сегодня выглядит олимпийский резерв, вы можете узнать, посмотрев на снимки, вошедшие в наш фоторепортаж.

Но не очень ли тяжелый груз ложится на хрупкие плечи завтрашних Омельянчик и Мостепановых? Ведь они в гимнастическую школу приходят раньше, чем садятся за парты в школе общеобразовательной... И как угадывают тренеры, какие девчушки придутся ко двору или, точнее, к спортивному залу, а каким не понравится гимнастика или они не понравятся гимнастике?

Вот что рассказала Елена Дмитриевна Логинова:

— Мы не ждем милостей от родителей, не надеемся на то, что они разгадают в своих детях наличие тех способностей, без которых в гимнастике делать нечего, и приведут их к нам. Мы идем в детские садики, наблюдаем за ребятишками, а там уж вся надежда на интуицию, которая вырабатывается с годами. Но если вы думаете, что прежде всего мы ищем детишек очень подвижных, ловких, смелых, то ошибаетесь. Наш первый критерий — интеллект. Мы по глазам находим своих учениц. Живой, сообразительный, все замечающий взгляд ребенка зачастую говорит нам больше, чем его подвижность. Ну, а когда новички приходят в зал, первый год их жизни в спорте весь посвящен играм. Мы учим пятилетних девочек двигаться, находить в этом радость, и акробатический кувырок — вот наша буква «а». Только на следующий год маленькие гимнастки основательно знакомятся с брусьями и с другими снарядами, а когда спустя два года переходят в средние группы, то попадают в руки хореографов. Ну, а настоящая гимнастическая подготовка начинается в высшем звене с десяти лет, и к этому времени наши воробушки уже чувствуют себя на помосте лебедями, выступают на соревнованиях по первому разряду и осваивают комбинации такой сложности, которые и не снились гимнасткам вчерашнего дня.

Тренер Эльвира Саади.

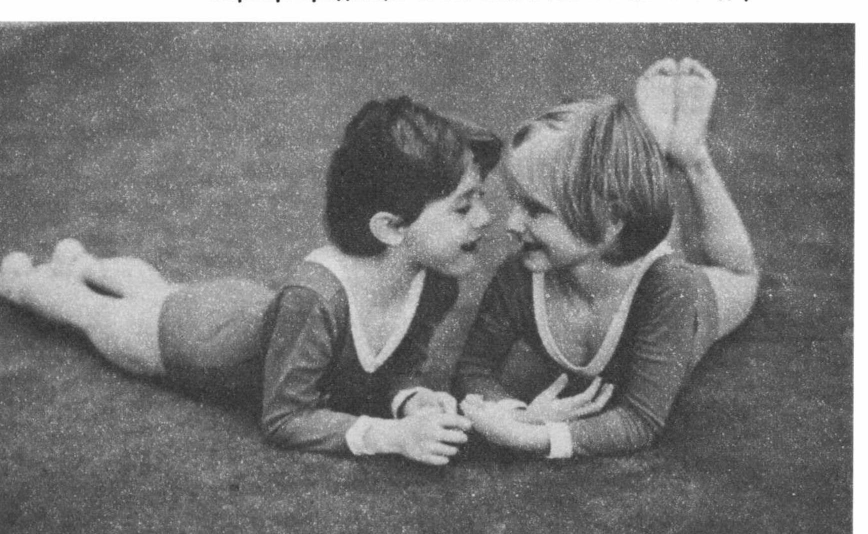
А ведь вчерашний день нашей гимнастики — это Людмила Турищева, Ольга Корбут, Любовь Бурда, Тамара Лазакович. И вот одна из представительниц этой блестящей плеяды — Эльвира Саади — сегодня воспитывает гимнасток завтрашнего дня в динамовской школе.

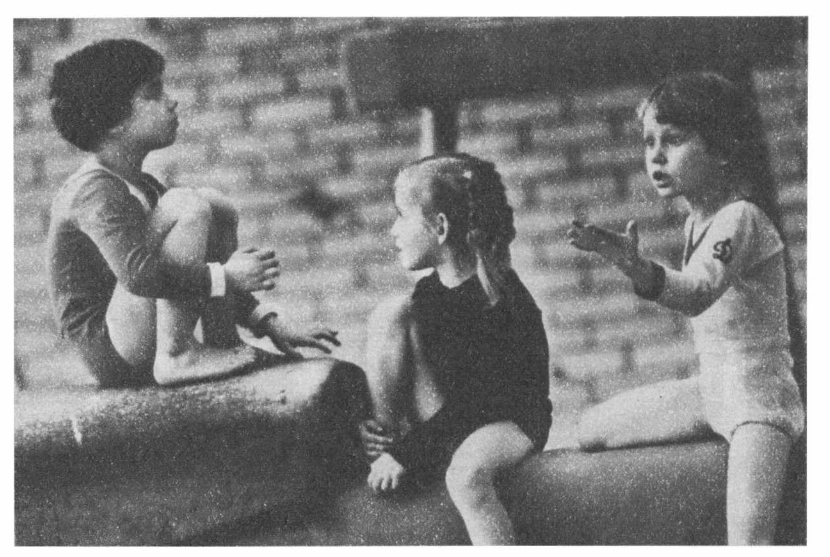
Кто из любителей гимнастики не помнит Эльвиру, двукратную чемпионку Олимпийских игр, призера первенства мира? А теперь она готовит участниц Олимпиады-88, ей передают тренеры динамовской школы своих учениц для дальнейшей шлифовки. И когда мы спросили Эльвиру, кто ее лучшие ученицы, она назвала нам трех одиннадцатилетних девочек: двух Танюш — Грошкову и Чернову и Марину Горюнову. Ну что же, пожелаем Эльвире Саади вырастить новых Турищевых и Корбут, а многим другим девочкам на всю жизнь привить любовь к тому яркому и радостному миру, который мы называем физической культурой.

Самодеятельность.

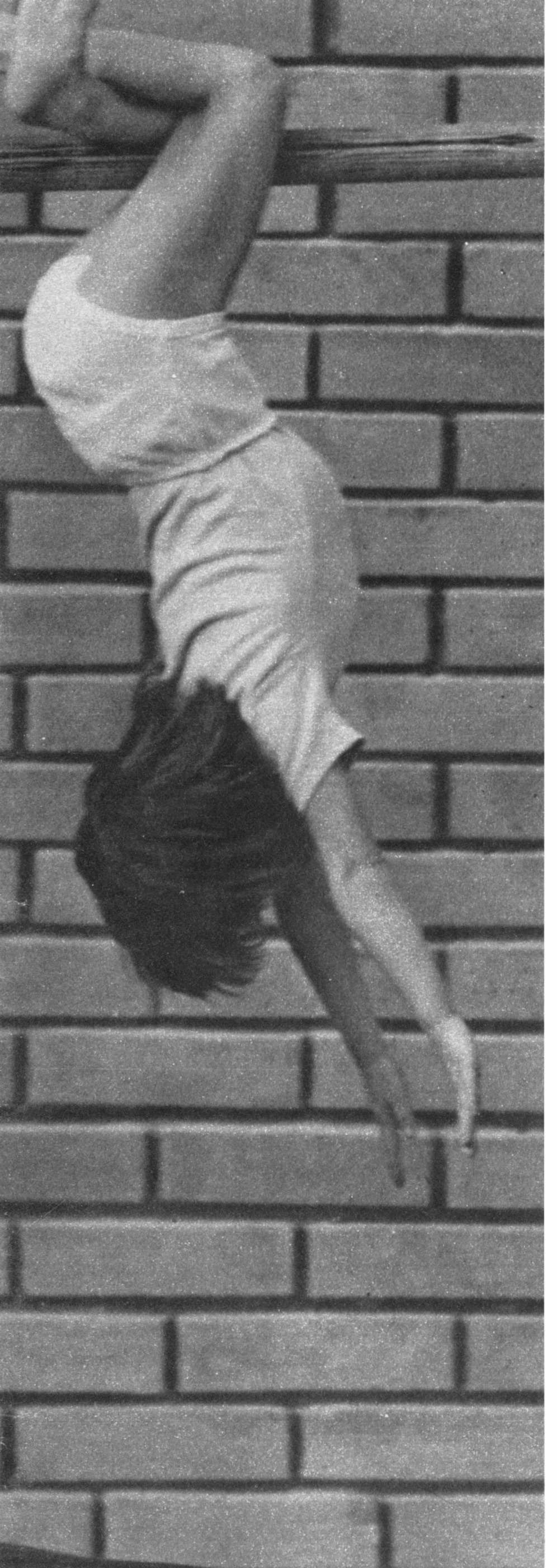
«Производственное совещание».

Перворазрядницы Света Новикова и Лена Соладарь.

Тренер Нина Евгеньевна Вербовик и ее ученица Наташа Дворяшина.

Родители на тренировке.

Катя Овсянникова огорчена.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663